

А

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЗЕЛОТТА
ВЕЛЬСКОПФ-ГЕНРИХ

Харка,
СЫН ВОЖДЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Сыновья Большой Медведицы

Лизелотта Вельскопф-Генрих

Харка, сын вождя

«Азбука-Аттикус»

1962

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Вельскопф-Генрих Л.

Харка, сын вождя / Л. Вельскопф-Генрих — «Азбука-Аттикус»,
1962 — (Сыновья Большой Медведицы)

ISBN 978-5-389-21587-0

Цикл романов «Сыновья Большой Медведицы» Лизелотты Вельскопф-Генрих (1901–1979) стоит в одном ряду с приключенческими книгами об индейцах Северной Америки Фенимора Купера и Майн Рида. Произведения немецкой писательницы стали классикой юношеской литературы, выдержали десятки переизданий и были переведены на многие языки. Начало циклу положил одноименный роман, который вышел в 1951 году, и его автор был удостоен престижной литературной премии. В последующие годы Вельскопф-Генрих не оставляла работы над книгой и существенно ее расширила. Первое полное издание увидело свет в начале 1960-х годов в трех томах (впоследствии цикл выходил также в виде шеститомника). Вниманию читателей предлагается первая книга трилогии «Харка, сын вождя», в которой повествуется о том, как в жизнь индейского племени охотников внезапно вторгается белый человек в поисках золота... Роман представлен в новом, полном переводе Р. С. Эйвадаса (ранее «Сыновья Большой Медведицы» публиковались лишь в сокращенном виде). Книга также включает прекрасные иллюстрации П. Л. Парамонова.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-21587-0

© Вельскопф-Генрих Л., 1962

© Азбука-Аттикус, 1962

Содержание

Харка	8
Тайна пещеры	8
Битва с волками	19
Счастливчик	27
Враждебные соседи	33
Чужак	46
Великое чудо	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Лизелотта Вельскопф-Генрих

Харка, сын вождя

© Р. С. Эйвадис, перевод, 2022

© П. Л. Парамонов, иллюстрации, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Харка

Тайна пещеры

Ночь выдалась безветренной – не дрогнет ни один листик, не шелохнется ни одна еловая ветка. Кора деревьев на открытом склоне горы, обращенном к северо-западу, была еще влажной, почти мокрой; первое весеннее тепло растопило снег. От реки, вьющейся вокруг горного массива Блэк-Хиллс¹, поднимался туман. Он окутывал скалы и землю, пронизывал кустарники и делал еще более густыми тени деревьев.

Высоко на склоне горы, у обнаженных корней мертвого дерева, сидел на корточках мальчик. Он был совершенно неподвижен, так что лесные звери могли обнаружить его только по запаху. Ласка, почуяв человека, юркнула в сторону, а сова беззаботно пролетела мимо дерева, с тенью которого слился ночной пришелец. Прямо перед мальчиком, но не касаясь его, упал на землю бледный луч лунного света и слабо осветил мох и ползущий по нему туман. Это узкое, не шире человеческой ступни, пятно изменяло свою форму из-за колеблющегося над ним тумана и казалось единственной крохотной прорехой в безмолвии и незыблемом покое ночи.

¹ *Блэк-Хиллс* (англ. Black Hills – Черные холмы) – горы, расположенные в северной части Великих равнин на Среднем Западе США, в юго-западной части штата Южная Дакота и северо-восточной части штата Вайоминг. Название Черным холмам дали индейцы дакота (Паха-Сапа – Черный холм), для которых они являются святыней.

Глаза мальчика были прикованы к этому пятну света. Другой ребенок во мраке и зловещей тишине горного леса, возможно, воспринял бы это слабое мерцание как утешение. Но Харка Ночное Око Твердый Камень, мальчик из племени дакота², не знал страха и чувствовал себя среди деревьев, скал и диких зверей и днем и ночью как дома. У него был с собой нож, и он в любую минуту мог вскарабкаться на дерево – этого было вполне достаточно для его безопасности. Мысли его были заняты совсем другим: в бледном, призрачном пятне света на земле он узнал свежий след человека. Здесь, в каких-нибудь двух часах ходьбы от их стойбища, расположенного выше по течению реки, в этом не было ничего странного. Кроме огромного размера следа и еще некоторых необычных признаков. Харка Ночное Око не доверял своим собственным навыкам следопыта. Может, это туман сыграл с ним злую шутку и это колеблющееся пятно света – вовсе не след? Он пристально всматривался в очертания отиска. Благодаря наставлениям отца и старших товарищей он уже давно достиг совершенства в умении определять характер следов.

Такой широкой стопы, такого тяжелого шага не было ни у кого из индейского племени охотников, к которому принадлежал Ночное Око. Даже если предположить, что незнакомец, оставивший этот след, поскользнулся левой ногой на гладком, усыпанном хвоей склоне и потом с силой припал на правую, чтобы сохранить равновесие, – все равно для индейца это слишком тяжелая поступь. Контуры и вмятины в земле отличались и другими особенностями от всех знакомых ему следов. Пятка была вдавлена глубже, чем носок, и резко очерчена.

Харка похолодел. О таких следах упоминали великие воины и мудрые старейшины в своих рассказах о врагах – бледнолицых захватчиках лесов и прерий, Длинных Ножах, видеть которых ему еще не доводилось.

Харка решил не двигаться с места и дожидаться отца. Тот послал его сюда посреди ночи, не объяснив причину своего приказа, и теперь мальчик терялся в догадках, зная лишь, что

² *Дакота* (тетон-сиу, тетоны, равнинные сиу, западные сиу, лакота-сиу) – индейский народ в США, аборигены Америки. Являются западной частью племени многочисленной группы сиу, изначально селившихся на землях к западу от озера Мичиган (штаты Миннесота и Висконсин).

речь идет о чем-то очень важном. Он чувствовал, что отец, военный вождь рода, хотел открыть ему какую-то великую тайну. На следующий день все они должны были покинуть стойбище и родные горы и отправиться на юг, на поиски новых охотничьих угодий и пастбищ. Ночью же вождь хотел поговорить с сыном о тайне, связанной с родиной их предков.

Предвкушение тайны и загадочный след, в котором чувствовалась скрытая угроза, щеко-тали нервы одиннадцатилетнего охотника и обостряли все его чувства. Посылая его в лес, отец не мог знать об этом следе.

В кронах деревьев что-то зашуршало. Харка прислушался. Наверное, дикие кошки гоняются друг за другом. Судя по треску ветвей и шипению, они сцепились не на шутку. Наверное, рыси. Шум приближался. Сухое дерево, под которым сидел Харка, вдруг затряслось; одна из кошек перепрыгнула с ветки на ветку, вторая последовала за ней; шипение перешло в рычание, и они вонзили друг в друга клыки и когти. Харка осторожно, не поднимая головы, исподлобья посмотрел вверх. Он не ошибся: это были рыси. Сухая ветка обломилась, кошки, не отпуская друг друга, свалились на землю и покатались вниз по склону, но потом одна все же вырвалась и помчалась наверх. Вторая, помедлив несколько мгновений, бросилась за ней. Харка понял, что рыси карабкаются на дерево в нескольких шагах от него. Шипение и шорох быстро удалялись, и вскоре все опять стихло.

Харка вновь устремил взгляд на пятно лунного света на земле и вздрогнул от ужаса: свалившись с дерева, рыси почти уничтожили отпечаток. Он не сможет показать его отцу.

Поскольку таращиться на след теперь не было никакого смысла, Харка стал думать об отце и о загадочной цели их встречи в ночном лесу. Условленный час настал. Вождь Матто-таупа должен был появиться с минуты на минуту.

Харка напряженно вслушивался в тишину. У него был чуткий слух, но отцу все же удалось подкрасться к нему незамеченным. Пятно света вдруг погасло: на него легла широкая бледная тень вождя. Мальчик встал, и отец положил ему руку на плечо. Несколько мгновений они молчали. Харка ждал, не скажет ли чего-нибудь отец, но, так и не дождавшись, тихо произнес:

– Здесь был свежий след ноги. Его уничтожили две рыси. Это не был след индейца.

Вождь не торопился с ответом.

– Будем осторожны, – сказал он наконец. – Идем.

Матто-таупа пошел вверх по склону, и Харка последовал за ним, так же осторожно, ловко, такими же уверенными, широкими и твердыми шагами, как его отец.

Склон становился все более крутым, земля кончилась, теперь они ступали уже только по замшелым камням, за которые цеплялись корни деревьев. Идти было трудно, зато здесь они могли двигаться бесшумно. С небес сквозь кружево ветвей на них смотрели звезды. Луна уже переместилась на другой край неба. Харка не отставал от отца, но сердце его колотилось, по лицу струился пот. Вождь все стремительней карабкался вверх по склону, словно боясь куда-то опоздать.

Наконец он остановился. Обогнув отвесную скалу, метров на пятнадцать возвышавшуюся над верхушками деревьев, они взобрались на ее вершину. Отец лег на живот и осторожно посмотрел вниз через кромку скалы. Мальчик сделал то же. Поднялся тихий ветер; верхушки деревьев внизу на склоне, под скалой, закачались, как темные морские волны.

Вдруг вождь схватил сына за руку, словно желая предостеречь его или показать ему что-то, и Харка понял, что ему не померещилось – что отец тоже увидел то, что увидел он, Ночное Око: по скале скользнула какая-то тень.

Скала была залита едва заметным мерцанием – бледным отсветом звезд и луны, скрытой от глаз холмами и верхушками деревьев. И в этом призрачном мерцании посредине скалы промелькнула и исчезла различимая лишь для зоркого глаза охотника тень. Харка впился глазами в округлый выступ на скале, рядом с которым темнело углубление, похожее на большую

дыру. А может, это и в самом деле дыра? Может, это вход в одну из пещер, которых немало в этих горах?

Несколько недель назад племя охотников дакота разбило свои вигвамы на берегу реки, часах в двух ходьбы отсюда, и Харка Ночное Око, как вожак отряда Молодых Собак, исходил эту местность вдоль и поперек. Но этой скалы он всегда сторонился, потому что в племени поговаривали о злых духах, живущих в ее недрах. Может, странная тень как-то связана с этими духами? Харка посмотрел на отца, взгляд которого тоже был прикован к округлому выступу на скале. Мальчик вспомнил о необычном следе, который обнаружил у мертвого дерева.

Вождь Маттотаупа – Четыре Медведя, – встав на колени, отцепил от пояса лассо, перекинул один конец веревки через ствол дерева с мощными обнаженными корнями и, крепко держась за оба конца веревки, стал осторожно спускаться вниз, прижимаясь к скале, чтобы не стать мишенью для того, кто, возможно, прятался за круглым выступом. На вожде были узкие кожаные штаны с широким поясом и мокасины. Собранные в косички волосы падали на плечи. На шее у него висел на сырмятном ремне нож в кожаном чехле. Другого оружия, даже томагавка, у него с собой не было. Вождь перелез через круглый выступ – половины длины лассо оказалось для этого достаточно – и исчез из поля зрения мальчика. Две минуты его было не видно и не слышно. Наконец из-за выступа показалась его рука. Он жестом велел сыну следовать за ним. Харка быстро спустился вниз, где перед черной зловещей дырой – входом в пещеру – стоял отец. Осторожно нащупывая ногой покатый пол пещеры, вождь сделал несколько шагов вперед. Харка повторял все его действия. Когда отец сел, он тоже опустился на камень. Стены пещеры были влажными, воздух удушливым. Откуда-то издалека, из глубины горы, доносился мягкий, почти напевный звук. Мальчик прислушался и невольно придвинулся к отцу. Опасность от человека им в эту минуту не грозила, так как, скрытые темнотой, они уже не представляли собой удобную мишень для врага. Но терять бдительность было нельзя. Харка полностью полагался на опыт отца, бывалого воина.

Убедившись, что поблизости все спокойно, вождь двинулся дальше. Со сводов пещеры, поросших не то шипами, не то сосульками, капала вода. Такие же «шипы» росли и из пола, местами преграждая им путь, так что приходилось с трудом протискиваться между ними. Напевные звуки в чреве горы становились все громче, сливаясь в ровный мелодичный гул.

Харка заглушил в себе все мысли и сосредоточился только на ходьбе и на шагающем впереди отце. Они уже далеко углубились в пещеру. Гул быстро нарастал и наконец перешел в устрашающий, леденящий кровь рев.

Вдруг что-то случилось. Харка не понял, что именно, но все произошедшее показалось ему каким-то жутким мимолетным наваждением. Все началось с крика – пронзительного и отвратительного, который, вырвавшись откуда-то из тьмы, заплясал вокруг многократным эхом. Потом отец крепко схватил его одной рукой, и ему почудилось, будто они оба полетели в какую-то бездонную пропасть. Помертвев от ужаса, он обхватил обеими руками какой-то остроконечный камень, за который держался свободной рукой и отец. Камень обломился. На Харку брызнула вода.

Но в этот момент отец, видимо, нашел другую, более надежную опору, потому что сумел вытянуть сына на твердый каменный пол. Где-то, уже вдалеке, опять раздался крик, и через миг они вновь были объяты лишь мраком и громоподобным шумом.

Харка усилием воли успокоил свое прерывистое дыхание. Вновь обретая способность думать, он спросил себя, не отец ли это кричал. И сам себе ответил: нет. В пещере с гулким эхом и этим оглушительным ревом человеческий голос хоть и мог показаться чужим, но второй крик донесся издалека, в то время как отец был совсем рядом.

В темноте вдруг вспыхнули искры. Из-за непрерывного гула Харка не мог слышать чирканье огнива. Теперь он увидел отца с кресалом в руке и мощную струю подземного источника,

бьющую сверху, из бокового ответвления пещеры, и водопадом низвергающуюся в неведомые бездны горы.

Искры погасли. Отец встал, взял Харку за руку и осторожно повел его назад к выходу. Через несколько минут он отпустил руку мальчика: опасность оступиться или, поскользнувшись, полететь вниз миновала. Харка молча следовал за ним, и вскоре они достигли отверстого зева пещеры посреди отвесной скалы. Гул и шум стихли, они больше не слышали ничего, кроме далекого мелодичного отзвука. Они опять увидели верхушки деревьев, колеблемые ночным ветром, а над скалами и лесом вновь сияли звезды, недосыгаемые и невозмутимые.

Закричал сыч.

Вождь нащупал концы лассо, стянул его вниз и на этот раз зацепил веревку за выступ скалы. Спустившись вслед за ним на землю, Харка пошел по пятам за отцом, устремившимся поперек склона от южной стороны горы к западной. Маттотаупа все ускорял шаг, и сын снова лишь с трудом поспевал за ним.

Наконец они пришли к грозному водопаду необычайной ширины, низвергавшемуся из горной расселины. Толщи воды с грохотом падали вниз с отвесной скалы и устремлялись в небольшую речку у подножия массива.

Вождь остановился. Здесь было светлее, оттого что деревья, расступившись, образовали небольшую поляну, освещенную сиянием звезд и мерцанием воды. Маттотаупа велел сыну немного поспать. Харка исполнил его приказ неохотно. Но ему хотелось показать отцу, что он умеет владеть собой в любых условиях. Он свернулся калачиком на мягком мхе и, поживаясь, уснул.

Проснувшись, он увидел, как рождается новый день. Мрак рассеялся, луна и звезды словно выцвели, небо, деревья, скалы и мох постепенно обретали свои привычные цвета, а в лучах восходящего солнца плясали разноцветные искры водопада. Пели птицы, резвились белки, жук с гудением устремился на поиски пищи. Было холодно – холоднее, чем ночью. Серебряная роса на сухих листьях и иголках, устилающих землю, казалась инеем.

Харка увидел отца, внимательно осматривавшего подступы к водопаду и речке, по-видимому в поисках следов. Но, кроме нескольких следов зверей, приходивших на водопой, ничего примечательного здесь не было. Вождь присел рядом с сыном.

– В пещере был человек, – медленно и очень серьезно произнес он. – Вода, которую мы там видели, выходит из горы здесь.

Харка внимательно осмотрел водопад. Неужели человек может живым выбраться из горы с этой быстрой водой? Маловероятно, но возможно.

– Надо подождать здесь несколько дней, – прервал его мысли отец. – Если чужой человек не погиб в пещере, он постарается выбраться наружу. Но ты ведь знаешь: мы должны покинуть стойбище и отправиться на поиски бизонов, и мне как военному вождю надлежит вести людей. Я не могу остаться здесь. Придется прислать сюда воина, чтобы тот наблюдал за водопадом. Потом он найдет нас по следам. Беги к стойбищу и передай Белому Бизону все, что я сказал тебе. Я буду здесь, пока меня не сменят. Ты понял меня?

Харка пустился в путь. Несмотря на усталость, он был слишком возбужден, чтобы осознавать это, и легко помчался вниз по склону в сторону стойбища. Его не переставал мучить вопрос: зачем отец водил его ночью в пещеру? Какую тайну он хотел ему открыть? Из-за встречи с чужаком все пошло не так, как он предполагал, и тайна, в которую Маттотаупа собирался посвятить своего сына в последнюю ночь на родине предков, так и осталась тайной. Томясь догадками и предчувствиями, Харка наконец достиг стойбища, которое покинул на закате вчерашнего дня.

Круглые остроконечные вигвамы из выделанных шкур стояли на обширной лесной поляне у реки. Жилища шамана, военного вождя и вождя мирного времени, а также вигвам, предназначенный для совета старейшин, были украшены магическими знаками, нарисо-

ванными яркими красками, которые индейцы искусно изготавливали из разных минералов. Вигвам Матготаупы выделялся изображениями больших четырехугольников. Тяжелые кожаные стены освещало солнце. Мать Харки откинула полы шатра с восточной стороны, отвязав их от вбитых в землю кольев, и внутрь хлынули воздух и свет. Харка увидел очаг посреди отцовского жилища, вертикальную струю дыма над ним и глиняную посуду. У очага сидела бабушка и шила одежду. Десятилетняя сестра и девятилетний брат Харки внимательно следили за ее ловкими пальцами. Мать перед входом занялась свежеванием зайца. Харка только теперь почувствовал, как сильно он проголодался; уже несколько недель все жили впроголодь, но он совладал с собой. Ему нужно было выполнить приказ отца, и он сразу направился в соседнее жилище, к Белому Бизону.

Вигвам вождя был закрыт. Как и все последние дни. Вождь был болен. Не помогали даже заклинания шамана. Белый Бизон таял на глазах, хотя на теле его не было ран. Харке становилось не по себе при мысли о невидимой смерти, изнутри вгрызавшейся в плоть вождя. Из соседнего вигвама, разрисованного змеями и Гром-Птицами, в котором жил шаман, слышались глухие заклинания, и мальчик поднес руку к губам, чтобы тихо обратиться к Вакан-Танке³, Великой Тайне, непостижимой и незримой, окружавшей и наполнявшей все, что он видел и слышал.

Собравшись с духом, он вошел в вигвам Белого Бизона.

Внутри царил полумрак. В глубине жилища тихо и как будто безучастно сидела женщина, сложив руки на коленях. Похожее на кимоно кожаное платье с бахромой на рукавах и подоле мягко облегалo ее фигуру. Она печально взглянула на мальчика, остановившегося перед очагом. Белый Бизон лежал на ложе из звериных шкур с плетеным подголовником из ивовых прутьев. Лицо его осунулось, руки истончились. Едва заметным жестом он показал, что готов слушать. В ногах у него стоял его единственный сын Шонка, юноша пятнадцати лет, обнаженный, в одном лишь поясе. Харка потупил взор. Он не любил Шонку. Между ними давно уже возникла эта странная неприязнь, проявлявшаяся в сотнях мелочей и по множеству поводов, и причина ее была необъяснима для них обоих. Харке не хотелось сейчас думать об этом. Ему важно было лишь добиться от Белого Бизона, чтобы тот выполнил просьбу отца и, когда все тронутся в путь, послал к водопаду одного из воинов.

³ *Вакан, Вакан-Танка* (возможный перевод: «*Великая Тайна*») – в мифологии индейцев сиу мистическая животворная сила, присущая предметам живой и неживой природы. «Вакан» иногда употребляется в значении «великий дух».

Смысл произносимых Харкой слов, казалось, не доходил до сознания больного вождя: голова его беспокойно металась из стороны в сторону. Наконец он обратил взгляд на Шонку.

– Мой отец говорит, что у нас нет ни одного лишнего воина, – ответил тот за него, но Харка понял, что такова воля не вождя, а самого Шонки.

В нем вскипел гнев.

– Ступай! – повысил голос Шонка. – Мой отец все сказал. Хау!

Харка еще раз взглянул на больного. Тот устало прикрыл глаза. Надежды на то, что он заговорит сам, не было. Мальчик повернулся и вышел из вигвама. Что же делать?

Он огляделся вокруг. В стойбище уже кипела жизнь. Несколько минут назад, вернувшись сюда, он сначала воспринял все это как давно привычное и не заслуживающее особого внимания зрелище. Но сейчас, когда он искал глазами своего друга Сокола, от него не ускользала ни одна мелочь, ни один человек, ни одно движение. Он видел все: возбужденных и таких же голодных, как он сам, собак, тощих мальчишек, с криками и смехом гоняющих палочками мяч, девочек в раскрытых вигвамах, помогающих матерям и старшим сестрам по хозяйству, множество лошадей, жующих скудные остатки травы, кустарника и коры, – видел военные и охотничьи трофеи на высоких шестах перед вигвамами – рога бизонов, колеблемые утренним ветром скальпы. Больше всего трофеев висело на шесте перед вигвамом его отца.

Вскоре он отыскал Сокола. Тот был старше его – ему уже исполнилось шестнадцать – и выше ростом. Харка подошел к нему, и Сокол прервал свою работу. Он был занят изготовлением наконечников для стрел.

Харка присел на корточки рядом с другом. Хотя дело и не терпело отлагательства, спешка и суетливость все же были не к лицу сыну вождя. Он почти слово в слово повторил все, что сказал Белому Бизону.

– Говори теперь ты, Четан, – заключил он свою речь.

«Четан» на их наречии означало «Сокол».

– Твой отец – вождь военного времени, – ответил худощавый темноволосый юноша. – Пусть отдаст приказ. Чужой человек – на нашей земле! Это значит – война! И у Маттотаупы у самого достаточно власти.

Кровь прилила к лицу Харки. Он почувствовал в словах друга упрек в том, что Маттотаупе недостает решительности, и от сознания справедливости этого упрека рассердился еще больше.

– Мой отец знает, что делает. Хау. Ты готов взять на себя наблюдение за водопадом, хоть ты пока еще не воин?

– Я готов, если мне позволит мой отец Солнечный Дождь. Идем к нему!

Они вместе отправились к Солнечному Дождю. Но отца Сокола не было в стойбище. Он ускакал в прерию, простиравшуюся вокруг Черных холмов, и друзья, вскочив на своих лошадей, устремились за ним по его следам. Сокол знал, что отца надо было искать на юго-западе, где тот надеялся обнаружить бизонов. Им с Харкой нужно было лишь пересечь лес и перебраться через мелкую речку, огибавшую горный массив с юга. Как только лес остался позади, Сокол сразу же заметил на бескрайней волнистой буро-зеленой равнине следы отца. Они пришпорили своих изящных полудиких пегих лошадок, на которых скакали без седел, и пустили их в галоп. Следы отчетливо выделялись на траве, словно тропа. Через четверть часа они достигли цели. Солнечный Дождь давно уже услышал приближающийся топот копыт и вскоре заметил юных всадников. Остановившись, он поджидал их, не слезая с лошади.

Харка второй раз повторил все сказанное Белому Бизону, ничего не опуская и не прибавляя. Отец Сокола задумчиво смотрел вдаль. Все трое шурились от ярко разгоревшегося солнца и сильного ветра.

– Мы отправимся туда втроем, – сказал наконец Солнечный Дождь. – Харка поведет нас. Я хочу увидеть это место, и пусть Маттотаупа решит, кто из нас останется у водопада. Если за это время ничего не изменилось.

Вскоре трое индейцев прискакали обратно в стойбище, спешили, Харка с Четаном вернули мустангов в табун, и они втроем отправились пешком к водопаду и остававшемуся там Маттотаупе. Бесшумно, как дикие кошки, крались они лесом вверх по склону горы. Первым шел Харка, за ним Солнечный Дождь и последним Четан.

Чем ближе подходили они к водопаду, тем напряженнее вслушивался Харка в тишину. Эта осторожность была следствием уже перешедшего в инстинкт опыта охотника, знающего, что там, где может подстерегать опасность, нужно быть как можно незаметнее. Прячась за деревьями и кустами, он привел своих спутников к выступу скалы на склоне горы, с которого хорошо виден был водопад. Харка Ночное Око радовался при мысли о том, что ему, возможно, удастся понаблюдать за отцом, оставшись незамеченным им. Тот, конечно же, потом со смехом похвалит его ловкость.

Честолюбивые грезы мальчика внезапно оборвались, когда он, лежа на земле, посмотрел из-за кустов на водопад и крутой склон горы, по которому стремительно мчался звонкий пенный поток. У самой воды он увидел могучее тело Маттотаупы. Тот лежал ничком, головой вниз, с повисшими, как плети, руками.

Ни крови, ни ран издали не было видно. Нож вождя торчал в ножнах, висевших на сыромятном ремне. Харка тщетно напрягал зрение, пытаясь разглядеть какие-нибудь следы. Он готов был броситься к отцу, у него даже в глазах потемнело от страха, что тот, возможно, мертв. Но Солнечный Дождь, понимая и разделяя его чувства, удержал мальчика прикосновением руки и молча, одними лишь знаками дал указания ему и Четану. Четан остался наверху, они же двинулись вниз, чтобы, обойдя водопад справа и слева и обследовав подступы к нему, встретиться у ручья, в который он впадал.

Харку переполняло горделивое сознание, что ему дали важное задание и что Солнечный Дождь рассчитывал на него как на воина. Это доверие придало ему новые силы, а распростер-

тое на траве неподвижное тело отца обожгло его сердце ненавистью к неизвестному врагу. Он был весь напряжен и в то же время спокоен, как сильный человек, принявший решение встретить опасность лицом к лицу.

Осторожно, прячась за кустами и деревьями, то ползком, то перебежками, маленький индеец двигался к цели. Он не наступал на валежник, не касался ветвей, чтобы ни один листик не шелохнулся и не привлек внимание врага. Сотни раз он упражнялся в этом искусстве, играя со своими сверстниками или охотясь на мелкую дичь вместе с отцом. Каждый мальчик племени дакота упорно учился всему, что должен знать и уметь охотник и воин. И предводителем отряда Молодых Собак Харка стал не потому, что был сыном вождя, а потому что не раз доказал свою осторожность, храбрость и ловкость. Именно поэтому младший вождь Солнечный Дождь и доверял ему, как взрослому мужчине.

Харка уже далеко продвинулся вниз вдоль опушки леса. Пока все было тихо. Своих спутников он не видел и не слышал: ни Четана, затаившегося на вершине скалы, ни Солнечного Дождя, который крался через лес с другой стороны и которому предстояло пройти более долгий путь, так как он решил сделать крюк и обследовать подступы к водопаду.

Утреннее пение птиц давно смолкло, лишь изредка раздавался тихий щебет или свист. На камне, греясь на солнце, застыла ящерица. Харка осторожно обошел камень стороной, чтобы не вспугнуть ее: юркнувшая в расселину ящерица могла насторожить врага.

Пока он не обнаружил ни одного признака близости человека. С той же осторожностью он двинулся дальше и наконец приблизился к бурному ручью на склоне горы, в который низвергался водопад. Волны плясали над гладким, до блеска отполированным дном и добела отмытыми камнями, вспыхивали искрами и вновь гасли, становились темными, как лесная земля и зеленый мох. Вода шумела, вырываясь из расселины наверху горы, бурлила и клокотала между камнями. Харка давно изучил этот поток во время походов с Молодыми Собаками. Ему были хорошо знакомы все извивы ручья и ведущие через него звериные тропы.

Все как будто было по-прежнему – никаких изменений, никаких подозрительных следов. Харка внимательно осмотрелся. Здесь, у ручья, они должны были встретиться с Солнечным Дождем.

На другом берегу из-за кустов наконец показалось лицо младшего вождя. Они посмотрели друг на друга, и каждый по взгляду другого понял, что тот ничего особенного не заметил. Солнечный Дождь едва уловимым движением головы велел Харке, оставаясь на своем берегу, идти вверх, к водопаду. Потом лицо его исчезло, и если бы Харка не знал, что воин тоже крадется вверх вдоль берега, он бы этого не заметил. Может, где-нибудь рядом так же ловко и скрытно передвигался по лесу и неизвестный враг? Напряжение мальчика усиливалось по мере того, как он приближался к месту, где лежал его раненый или мертвый отец.

Вскоре Харка нашел укрытие, откуда, спрятавшись за ветвями и небольшим камнем, мог видеть отца, сам оставаясь незаметным. Здесь его ждало радостное открытие: отец был жив! Не поворачивая головы, он осторожно смотрел в ту сторону, где спрятался его сын.

Харка не шевелился. Он зорким взглядом ощупывал каждый сантиметр земли, каждый камень. То же самое, наверное, делал и Солнечный Дождь, потому что его не было ни видно ни слышно, хотя на своей стороне он наверняка тоже не отставал от Харки.

Индейцы – Четан на скале, Харка и Солнечный Дождь в лесу по обе стороны ручья и даже неподвижно лежавший Маттотаупа – напрягали слух и зрение, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

Солнце заливало маленькую поляну у водопада. Над ней с жужжанием кружили две пчелы, первые после таяния снега. Они, верно, так же страдали от голода, как и люди, израсходовавшие свои зимние запасы пищи. Пчелы искали нектар, люди – бизонов, но ни те ни другие пока не находили желаемого.

Спокойно летали пчелы, вдоль берега по сухим камням полз паук, птица спорхнула к воде, чтобы утолить жажду, – индейцы затаились так искусно, что даже звери и птицы не замечали их. Но не было ли где-нибудь рядом еще кого-нибудь, кто прятался так же искусно? От этого вопроса всегда зависело очень многое.

Харка спросил себя, почему отец лежит так странно – головой вниз, раскинув руки, как будто споткнулся и упал. Он внимательно присмотрелся к камням. Маттотаупа и в самом деле, скорее всего, упал. Следов не мог различить даже зоркий индейский глаз. Харка подумал, что отец, наверное, стоял у ручья, чуть ниже водопада. Об этом говорил едва заметный отпечаток ноги на песке. Маттотаупа стоял спиной к водопаду и к скале и смотрел вниз, на мгновение повернувшись в противоположную сторону; возможно, что-то привлекло его внимание – какой-нибудь звук. Когда Харка на рассвете уходил, оставив отца одного, он успел отметить про себя, как ловко тот спрятался, чтобы наблюдать за водопадом. Зачем же он вышел из своего укрытия? Этого он объяснить не мог. Отец, судя по всему, не был ранен. Его смуглая спина, смазанная медвежьим жиром для защиты от холода и влаги, блестела на солнце. Иссиня-черные волосы были гладко расчесаны на пробор. Невредимы были и повязка из змеиной кожи на лбу, и два орлиных пера на затылке. Кожаные штаны и мокасины не были испачканы, нож оставался в ножнах, лассо – на поясе. Единственное, что вызвало подозрение Харки, был странный угловатый камень причудливой формы, лежавший неподалеку от Маттотаупы и непохожий на обточенные водой гольши. У него была грубая, шершавая поверхность, как у тех маленьких каменных пирамид, что росли из земли в пещере и доставили им с отцом немало хлопот.

Маттотаупа вдруг пошевелился. С ловкостью ящерицы он юркнул за камень, служивший укрытием для Харки. Несколько секунд они молча прислушивались. Им не надо было обмениваться мыслями. Они без слов понимали, что Солнечный Дождь все видел и постарается как можно скорее незаметно перебраться на их берег.

Они не ошиблись. Вскоре Солнечный Дождь подполз к ним, и они потеснились, освобождая для него место. Теперь они втроем стали наблюдать за водопадом. А там тем временем происходило нечто странное и удивительное: бивший из расселины поток вдруг ослаб, разделился на несколько струй, как будто наткнулся внутри горы на какое-то препятствие. Потом с удвоенной силой вырвался наружу, вышвырнув два камня величиной с кулак, один из которых с грохотом упал на кучу гольшей, а другой врезался в ствол дерева. Харка впился взглядом сначала в один камень, затем в другой. Они были такими же угловатыми и шершавыми, как и тот, что привлек его внимание. Индейцы переглянулись. Мужчины заговорили друг с другом на языке жестов.

– Эти камни бросил не человек, – сказал Маттотаупа на языке жестов.

– В воде прячутся злые духи, – так же молча ответил ему Солнечный Дождь.

Оба поднесли руку к губам. Харка последовал их примеру.

Маттотаупа начал осторожно отходить к лесу, Харка и Солнечный Дождь двинулись вслед. Отойдя на безопасное расстояние, где их не могли услышать, Маттотаупа полусшепотом рассказал о том, что с ним произошло.

– Когда Харка ушел, я спрятался и стал наблюдать за водопадом. Вдруг я услышал в лесу коосулю. С пищей у нас совсем плохо, поэтому я решил заколоть ее. Но я поторопился. Покинув укрытие, чтобы перебраться на поляну, откуда все лучше видно и слышно, я лишь на мгновение повернулся спиной к водопаду и вдруг почувствовал удар в затылок. В глазах моих потемнело, но сознание не покинуло меня. Я упал.

Маттотаупа умолк.

– В тебя попал камень? – спросил Солнечный Дождь.

– Да. Он еще лежит у ручья. Вы видели его? Это не простой камень.

– Я видел его, – сказал Харка.

– Вскоре мрак у меня перед глазами рассеялся, – продолжал Маттотаупа. – Но я знаю, что камни сами не летают по воздуху, и подумал: если его бросил враг, я перехитрю его. Я остался неподвижно лежать на земле, чтобы он принял меня за мертвого. Я решил, что, когда он придет, чтобы снять с меня скальп, я вскочу и убью его. Но враг не пришел. Пришли вы.

– Да, – кратко ответил Солнечный Дождь и надолго задумался. – В пещере и в воде живут злые духи, – наконец вновь заговорил он, подчеркивая каждое слово. – Шаман Хаванд-шита всех нас предостерегал. Ты поступил неразумно, Маттотаупа, отправившись в эту пещеру ночью перед выступлением в поход, да еще взял с собой мальчика. Злые духи еще раз предостерегли тебя. Может, это дурной знак для всех нас.

Кровь отхлынула от лица Маттотаупы. Он побледнел так, что его смуглая кожа стала серой.

– Дурной знак? – глухо произнес он. – Что же он предвещает?

– Что нам грозит опасность на новых землях.

Маттотаупа нахмурил брови:

– Стада бизонов ушли из наших прерий. А мы не хотим умереть от голода.

Солнечный Дождь не решался смотреть вождю в глаза.

– Идем к вигвамам, – ответил он.

Мужчины поднялись, но тут Харка жестом попросил слова.

– Ты хочешь что-то сказать? – спросил его отец.

– След, отец! Ты же знаешь, я видел ночью след, след чужого человека. И Солнечный Дождь тоже знает это.

– Мы можем на обратном пути еще раз осмотреть это место, – помедлив, ответил Маттотаупа.

Солнечный Дождь неохотно согласился с его решением, но не стал противоречить. Мужчины позвали Четана, подав ему условный сигнал – троекратный крик птицы, – и индейцы вчетвером отправились к тому месту в лесу, где Харка ночью обнаружил загадочный след.

Поиски их не увенчались успехом. Впрочем, единственным, кто искал след упорно и самоотверженно, был Харка, который не сомневался, что мужчины и Четан под влиянием случившегося слишком рано прекратили поиски. Но он был всего лишь мальчик. Хорошо еще, что взрослые вообще дали ему слово. Второй раз они вряд ли стали бы его слушать. И ему не оставалось ничего другого, как безропотно последовать за ними обратно в стойбище.

Битва с волками

Когда мальчик вернулся в отцовский вигвам, на душе у него было тревожно, но он ничем не выдал своих мыслей и чувств. Мать позвала его есть. Она жарила зайца на огне посредине вигвама. Харка вместе с братом, сестрой, матерью и бабушкой сел к очагу. Жареное мясо восхитительно пахло, и сбежавшиеся к вигваму полудикие собаки жадно облизывались. Когда мясо было готово, каждый взял свой нож и глиняную миску. Ножи имелись у всех, даже у младших детей. Бабушка взяла себе голову зайца, мать и сестра Уинона получили по передней лапке, мальчики, Харка и Харпстенна, – по задней. Спинку оставили отцу, которого сейчас не было в вигваме и который, по обычаю племени, не ел вместе с женой и детьми.

Подкрепившись, Харка встретился с Четаном. Ему хотелось поговорить со старшим другом обо всем, что случилось. Он готов был еще раз сбежать в лес и поискать следы поблизости от входа в пещеру. Человек не может появляться и исчезать, не оставляя следов. Но Четан больше не говорил об этом, а Харка не решался поведать ему о своих сомнениях. Он молчал, но мысли о таинственном следе не давали ему покоя. Чтобы скрыть, заглушить свою тревогу, он созвал отряд Молодых Собак, и они помчались вниз к реке. Мальчики играли, прыгали в ледяную воду и, проплыв немного, проворно выскакивали на берег. Они были очень закаленными. Слишком хрупкие, болезненные дети, неприспособленные к суровой жизни в дикой природе, быстро умирали. Те же, кто сумел пережить младенчество, могли преодолевать многие лишения.

Харка заметил идущего лесом к реке Шонку, сына Белого Бизона, и, решив подшутить над ним, спрятался в зарослях ивняка на берегу, к которым тот направлялся. Уже смеркалось. Облака и вода мерцали в розовом закатном свете, росли и сгущались тени, постепенно погружая листву во мрак. Шонка, ничего не подозревая, приближался к берегу. Он был широк в плечах и крепок. На его юном лице уже едва заметно обозначилась жесточенность, которая становилась отчетливей, когда его сверстники и даже младшие товарищи не оказывали ему того уважения, которого он от них требовал. Никто не понимал, отчего он не пользовался желанным авторитетом, ведь он не уступал другим ни в скачках, ни в метании камней, ни в плавании. Впрочем, был у него один соперник, который превосходил его во всем, несмотря на более младший возраст, – Харка Ночное Око Твердый Камень. И его уважали даже больше, чем Шонку. Это вредило сыну Белого Бизона в глазах юношей и девушек.

Шонка поравнялся с ивняком, не замечая Харки. Тот неожиданно схватил его за левую ногу и дернул, так что Шонка, потеряв равновесие, плюхнулся животом в воду под громкий хохот и улюлюканье Молодых Собак. Харка же в три прыжка – по камням и через остов старого дерева – очутился на середине реки, где она была глубокой и стремительной. Повернувшись к сопернику, он издал гортанный торжествующий крик. Шонка, весь мокрый, вскочил на ноги и бросился на Харку, но тот, подпустив его на расстояние вытянутой руки, шукой бросился в реку и поплыл под водой вниз по течению.

Шонка не стал его преследовать. Взяв в руку камень, он ждал, когда Харка вынырнет из воды.

Харка чувствовал, что перестарался в своем удалстве: вода в реке, питаемой тающими снегами, была обжигающе ледяной. У юного пловца сразу онемели руки и ноги. Он решил доплыть под водой до ближайшего изгиба и, вынырнув за большим валуном, незаметно для Шонки уйти с берега. Холод уже наполнял его члены опасной соблазнительной усталостью, которая сковывает мышцы и делает переход к обмороку приятным, как погружение в сон. Но он прищипорил себя мыслью о том, что было бы глупо и смешно погибнуть во время игры. Из последних сил проплыв еще несколько метров и почувствовав, что изгиб реки остался позади, он вынырнул, нащупал ногами дно, вылез на берег и, дрожа от холода, спрятался за валуном. Он видел Шонку, который медленно шел по песку и гальке вдоль берега, все еще держа в руке камень. Молодые Собаки бросили все игры и забавы и с увлечением следили за поединком. Некоторые из них подбежали поближе.

Шонка устремился прямо к камню, за которым сидел Харка. Возможно, он хотел осмотреть с него берег. Харка втянул голову в плечи и прижался к камню. Теперь он не мог видеть Шонку, поэтому напряг слух.

Сумерки быстро сгущались, уже заблестели первые звезды.

Харка услышал, как его противник вскочил на валун. Этого момента он и ждал. Молниеносно вскарабкавшись на камень, он бросился на Шонку, не ожидавшего нападения. Вместе они упали на песок. Харка вырвал у Шонки из-за головной повязки оба вороньих пера и с громким победным криком помчался в лес. Молодые Собаки откликнулись на эту окончательную победу своего вожака еще более громким хором одобрительно-торжествующих воплей.

Четан и еще трое товарищей встретили Харку среди деревьев радостным смехом и осыпали похвалами.

Тем временем Шонка поднялся на ноги и покинул место так бесславно закончившегося для него поединка с наигранной улыбкой презрения. Однако в груди у него все кипело от злости. Он не мог понять причину своего очередного поражения. Ведь он был силен и ловок. Если бы ему удалось схватить Харку, тому сейчас было бы не до смеха. Но этот мальчишка каждый раз оказывался хитрее его. Мысли Харки были быстрее, чем его мысли, и поэтому Харка всегда опережал его в своих неожиданных действиях. Харка лучше соображал. Ему было известно наперед, что в той или иной ситуации станет делать он, Шонка. А самому ему никогда не удавалось разгадать намерения Харки.

Он медленно обошел стойбище, ломая голову над тем, как вернуть себе прежнее уважение и проучить Харку. То, что каждое поражение требует реванша и каждая вина – искупления, для юных индейцев не подлежало сомнению.

После долгих раздумий Шонка решил ничего больше в этот вечер не предпринимать, а дожидаться удобного случая, чтобы отомстить сполна. С тяжелым сердцем вошел он в отцовский вигвам.

Там все было по-прежнему, как утром, когда Харка рассказал о том, что случилось в пещере. Белый Бизон лежал в горячке на своем ложе. Мать вышла Шонке навстречу и что-то зашептала ему на ухо. Ее мучил страх, что Белый Бизон умрет. Может, еще раз призвать на помощь шамана, который ночью уже пытался помочь больному и заклинания которого оказались бессильны? А может, отнести больного в палатку-потельню и полечить его паром? Или обратиться к Унчиде, матери Маттотаупы, лучше всех женщин в деревне знавшей целебные травы и как знахарка почитаемой даже воинами?

Об Унчиде Шонка не желал даже слышать: все связанное с вигвамом Маттотаупы и Харки было ему ненавистно. При мысли о шамане ему становилось не по себе. А вот паровая баня и в самом деле могла помочь отцу. Шонка, как и мать, очень боялся его смерти: ему исполнилось пятнадцать лет, его уже брали на охоту, но воином он еще не был. Сможет ли он один прокормить мать и себя? Это будет очень трудно. Если отец умрет, им с матерью придется перебраться в другой вигвам и у него будет другой отец. Мысль об этом приводила его в

трепет, и страх перед смертью отца вселял в него еще больший страх за его жизнь. Да, паровая баня должна пойти больному на пользу.

Шонка завернул больного отца в бизонью шкуру, а мать тем временем поспешила к потельне, посмотреть, не остыли ли камни. Она еще раз положила их в огонь. Когда те раскалились, они с сыном принесли Белого Бизона в палатку, и женщина стала лить воду на камни, так что палатка вскоре наполнилась паром. Как только тело Белого Бизона покрылось потом, Шонка с матерью отнесли его к реке и окунули в холодную воду. Это был обычный способ лечения ревматизма и лихорадки. Больной съежился, и когда они вытащили его из воды, его тело обмякло, а руки безжизненно повисли. Сердце Шонки застыло от ужаса: он понял, что отец мертв.

Они отнесли его к вигваму, достали толстые рогатины и, вбив их в землю перед вигвамом, подвесили завернутое в шкуры тело вождя, привязав за голову и ноги к рогатинам. По обычаям индейцев, мертвый не должен был больше касаться земли.

Только после этого вдова Белого Бизона принялась оплакивать мужа и разразилась причитаниями, разбудившими всю деревню. Ей вторили протяжным воем собаки.

Харка с братом Харпстенной лежал в отцовском типи. Брат уже уснул, а Харка еще бодрствовал и услышал, как перешептываются мать и бабушка. Отец еще не вернулся: он был на совете в вигваме Солнечного Дождя.

Прошлой ночью на рассвете Харка уснул под открытым небом у водопада, а сейчас, в родном жилище, не мог сомкнуть глаз. Он думал о тайне пещеры, которую так и не узнал, о следах, об отправлении в путь завтра утром и час за часом слушал причитания, доносившиеся от соседнего вигвама. Белый Бизон умер.

Известие о его смерти испугало и Харку. Утром все они отправятся в новые земли, и в этих землях их ждет встреча с новыми врагами-соседами. А в их племени Сыновей Большой Медведицы стало на одного храброго и умного воина меньше. Монотонные жалобные вопли его вдовы звучали зловеще и напоминали волчий вой.

Харка вслушался в звук приближающихся шагов. Это был отец. Когда Маттотаупа вошел в вигвам и опустился на свое ложе, на Харку наконец снизошел глубокий покой. Он еще успел услышать ровное дыхание отца, потом крепко уснул. Последнее, что он увидел, погружаясь в сон, были завтрашний восход солнца и начало долгого пути в незнакомые прерии.

Но то, что его разбудило уже через несколько часов, не имело ничего общего с этими мирными картинами. Сильный ветер, дувший уже не первый день, вдруг перешел в ураган. Он пронесся по прерии, врезался в Черные холмы, зашипел в кронах деревьев и обрушился даже на вигвамы, стоявшие на укромной лесной поляне, раздувая их стены и сотрясая длинные еловые жерди. В горах стоял треск, грохот и визг – такие звуки издают, падая, сокрушаемые ветром деревья. Они сразу же подняли на ноги всю деревню. Харка быстро надел набедренную повязку и разбудил брата. Бабушка уже проснулась. Мать будила Уинону. Харка поискал глазами отца, но того уже не было в вигваме. Треск и грохот усиливались. Ураган, казалось, сбивал лес целыми склонами.

Харка осторожно, на четвереньках выполз наружу, опасаясь, что ветер сойдет его с ног. В кронах деревьев стоял оглушительный шум, стволы гнулись, и сверху, из горного леса, то и дело доносился грохот падающих деревьев, от которого стыла в жилах кровь. Вигвамы тряслись. Их нельзя было даже разобрать, потому что стоило лишь снять с кольев полотнища и они мгновенно опрокинули бы и разрушили весь каркас.

Женщины, дети и старики собрались посредине поляны, где было безопаснее всего. К ним пугливо жались лошади и собаки. Мужчины и юноши оставались у вигвамов, чтобы удерживать полотнища, если их сорвет ветром. Типы, как и оружие, было самым ценным из всего, что имела каждая семья. Лишившись жилища, нелегко было его восстановить. Для этого требова-

лись шкуры бизонов, которых нужно сначала выследить и загнать, а на выделку кожи, надежно защищающей от холода и влаги, уходило очень много времени и сил.

Харка с Четаном следили за вигвамами Маттотаупы и Солнечного Дождя. Они глубже вбивали в землю расшатавшиеся колья и натягивали прикрепленные к ним ослабевшие веревки, сделанные из жил бизонов.

Ветер дул неравномерно. Он то ослабевал, то усиливал натиск. Страшнее всего была опасность смерча. И он, кажется, уже родился где-то в вышине. Харка увидел, как с горы полетело, кружась в мутно-молочном воздухе, целое дерево с корнями и сухими ветвями. Он мог проследить лишь часть его полета. Наверное, смерч уволок свою добычу далеко в прерию.

С горы с грохотом покатился огромный камень, по-видимому вырванный каким-нибудь поваленным деревом из размякшей от талой воды земли. Подпрыгивая и все сметая на своем пути, он быстро приближался к поляне, и людям не оставалось ничего другого, как ждать и с ужасом гадать, куда упадет смертоносная глыба.

Но вот он глухо врезался зазубренным краем в землю на самой границе поляны и застыл. Все облегченно вздохнули.

Буря наконец стала стихать, натиск ветра на вигвамы постепенно ослаб. Животные вновь оживились. Маттотаупа вскочил на высокий камень, откуда он всем был виден, и знаком показал, что пора принимать пищу и отправляться в путь.

Бабушка Унчида приготовила скудный завтрак. Дети и женщины получили немного тертых ягод и корней, хранившихся в кожаных мешках, Маттотаупа съел маленький кусок сушеного бизоньего мяса, оставшегося еще с осенней охоты. Эти крохи должны были утолить голод на целый день. До вечера пищи больше не будет.

Бабушка Харки, мать Маттотаупы, считалась теперь самой уважаемой женщиной в деревне, так как после смерти Белого Бизона до выбора нового вождя мирного времени ее сын стал единовластным предводителем племени.

Она вышла из вигвама и отвязала первое полотнище, которое стало биться на ветру, как знамя. Это был сигнал к началу общих сборов.

Сборы продлились недолго, потому что добра у индейцев было не много. Женщины забирались по шестам вверх вигвамов и отвязывали веревки, стягивавшие жерди каркаса. В этой работе участвовала и десятилетняя Уинона. Харка и его товарищи готовили лошадей. К тягловым лошадям прикрепляли волокуши: передние концы двух длинных жердей привязывались к упряжи лошади, задние же, на которые натягивались шкуры, волочились по земле. На шкуры укладывали домашнюю утварь и сажали детей, слишком больших, чтобы путешествовать на спине матери, и слишком маленьких, чтобы ехать верхом. Повозок у индейцев не было, поскольку они не умели делать колеса.

У Харки и Харпстенны уже были собственные лошади, и они вместе с другими мальчиками и воинами разъезжали вокруг выстраивающейся колонны. Женщины и девочки ехали на тягловых лошадях. Во главе колонны уже стоял шаман Хавандшита, восьмидесятилетний согбенный старец, худой и жилистый. Прежде чем колонна тронулась в путь, он прочел древнюю утреннюю молитву о ниспослании им пищи и мира.

Как только шаман сделал первый шаг, Маттотаупа выехал вперед на своем пегом коне, чтобы вести людей через изуродованный бурей лес в прерию.

Индейцам предстояло переправиться через реку, в которой мальчики играли накануне вечером. Хавандшита и Маттотаупа повели людей вдоль реки вниз по течению, до переката, где было легче перейти на другой берег. Харка знал, что брод находится в тысяче шагов, и поскольку здесь, вблизи бывшего стойбища, им вряд ли могла грозить какая-нибудь опасность, а значит, всадникам пока необязательно было строго соблюдать порядок следования, они с Четаном немного опередили колонну. Харка нашел место, где русло расширилось и вода тихо струилась по мелкому песчаному дну. Они остановились и в последний раз окинули взором

родные, знакомые с раннего детства места, которые им теперь приходилось покидать, и, возможно, навсегда. Новые охотничьи угодья, цель их путешествия, находились южнее, в нескольких днях пути.

Харка засмотрелся на оставленные ураганом следы разрушения. Гибкие заросли ивняка остались невредимыми, но два молодых деревца, укоренившиеся в нанесенной водой земле, были вырваны с корнями, и образовавшиеся воронки заполнились водой. Харку привлек какой-то необычный блеск в этом месте, и он подъехал ближе, чтобы узнать, что за предмет ловил и отражал мутные солнечные лучи. На первый взгляд это был обыкновенный речной голыш, но от простых камней он отличался красивым красновато-желтым мерцанием, и Харка, соскочив с неоседланной лошади, принялся разглядывать находку: по виду и в самом деле просто занятный камень, когда-то принесенный сюда водой, погребенный под слоем песка и земли и теперь вновь вывернутый на поверхность вместе с корнями дерева.

Харка взвесил его на ладони и сунул в висевший на поясе мешочек, чтобы увезти с собой на память. Он даже не подозревал о значении и ценности этой находки.

Колонна, напоминая длинную змею, приблизилась к перекату и вскоре, пройдя через лес, вышла на широкую равнину.

С северо-востока дул сильный ветер, развевая гривы лошадей и волосы мальчиков. Солнце, светившее с юго-востока, куда лежал их путь, слепило глаза. Все шурились и всматривались в даль, в безбрежную ширь прерии. В первый день они шли по знакомой местности: им часто приходилось бывать здесь в поисках бизонов, и сейчас можно было не опасаться неприятных неожиданностей, ведь они находились в охотничьих угодьях, на которые могущественные племена дакота имели неоспоримые права.

Погода к полудню прояснилась. Мутно-молочный воздух стал прозрачным, как хрусталь, а стихнувший северо-западный ветер лениво ласкал пожелтевшие мокрые травы. Харка был огорчен тем, что луговые собачки⁴, эти маленькие хитрые бестии, завидев людей, мгновенно прятались в своих норах и он не успевал даже прицелиться. Дети в волокушах сердились на лошадей, то и дело хлеставших их по лицу длинными хвостами. Слышался мерный глухой перестук множества неподкованных копыт. Колонна оставляла позади себя широкий след, который будет отчетливо виден на траве еще несколько дней, а может, и недель. Время от времени Харка вспоминал оставшуюся далеко позади пещеру на склоне горы. Никто из его спутников не знал и даже не подозревал, что в этот миг происходило у пещеры и в лесу.

Сыновья Большой Медведицы шли весь день, до самого вечера. Поскольку выступление задержалось из-за урагана, они до захода солнца успели пройти не больше тридцати пяти километров.

Воины выбрали удобное место для привала. Справа возвышался небольшой холм, пологий склон которого спускался к ручью. Влага уже начала стекать с этих наклонных лугов, так что земля, на которой индейцы установили вигвамы, была не очень сырой. Ручей утолил жажду людей и животных. Ни деревьев, ни кустов вокруг не было, разжигать костры было нечем. Этой ночью в лагере тлели лишь угли негасимого огня в выдолбленной колоде, который берегли как зеницу ока. Днем его несли старики. Это был древний способ хранения огня, почитаемого почти как святыня.

Волокуши отцепили, поставили вигвамы. Вдова Белого Бизона с сыном тоже возвели свое жилище. Старейшины еще не решили, какой семье надлежало отныне заботиться об их защите и пропитании.

⁴ *Луговые собачки* – грызуны из семейства беличьих. Обитают в Северной Америке. Типичные представители животного мира прерии.

Все устали и после скудного ужина быстро заснули. Лошади щипали полугнилую зимнюю траву и искали первые свежие ростки зелени. Собаки мирно спали, сбившись в кучу и согревая друг друга.

Небо по-прежнему оставалось ясным, и, хотя ветер улегся, ночью было очень холодно. Прерия тянулась до самого горизонта, напоминая волнистую поверхность моря.

Шли часы.

Было уже далеко за полночь, когда Харка вздрогнул и проснулся. Его разбудил пронзительный крик. Это не был боевой клич, известный каждому ребенку, – слишком часто им всем приходилось просыпаться под этот звук, вскакивать и хвататься за оружие. Это был предостерегающий крик. У Харки, как и у отца, нож висел на груди. Вождь в эту ночь не снимал оружие. Лук и стрелы лежали рядом с его ложем, и он мгновенно схватил их, вскочив на ноги. Снаружи царил переполох. Собаки выли, злобно и испуганно. Харка, услышав топот копыт, выбежал из типи. Мустанг Маттотаупы, привязанный к колышку у входа, испуганно бился и рвался с привязи.

– Останься с конем! – крикнул вождь сыну и бросился в сторону холма по склону, полого поднимавшемуся на запад.

За ним устремились другие мужчины. Харка узнал Солнечного Дождя и нескольких юношей. Ему было досадно, что вместо того, чтобы бежать вместе с ними, он должен был торчать у вигвама и стеречь коня. Но послушаться отца он не мог.

По поведению лошадей, собак и мужчин он понял, что к лагерю, скорее всего, подобрался голодный волк. Если бы это были маленькие трусливые койоты, собаки легко разделились бы с ними. Они боялись только огромных серо-белых волков. Харка пытался удержать отцовского жеребца за кожаные поводья, но мустанг, считавший себя вожаком табуна, был так взбудоражен, что мальчик, не доверяя ни колышку, ни поводьям, вскочил на коня, чтобы не упустить его, если он сорвется. Верховой езде маленькие индейцы обучались с четырех лет, и Харка уже многому научился у отца и у Четана. В свои одиннадцать лет он был способен удержаться на спине дикой, необъезженной лошади. Он знал характер отцовского мустанга и понимал, что с ним происходит: тот чувствовал себя как связанный по рукам и ногам воин при виде женщин и детей, которым грозит опасность. Недолго думая, Харка перерезал ножом ремень привязи и пустил его в галоп, направив в сторону табуна. Лошади встретили своего вожака приветственным ржанием.

Мужчины тем временем вступили в битву с волками. Не столько по пляске ночных теней, сколько по доносившимся с холма крикам Харка понял, что пять волков уже были убиты. Собаки, особенно большие и сильные, осмелели и бросились людям на подмогу. Осторожно сжимая коленями бока мустанга, Харка скакал вокруг табуна, не давая ему разбежаться.

Вдруг жеребец застыл на месте, развернулся и взбрыкнул. В тот же миг Харка увидел в траве два горящих волчьих глаза. Крепко обхватив ногами бока мустанга, он прицелился в хищника из лука. Но волк метнулся в сторону, решив, видимо, обойти лежащего мустанга и врезаться в табун. На ночь лошадей стреножили, чтобы они не могли ускакать в прерию, поэтому они сейчас оказались беззащитны перед хищником. Табун охватила паника. Харка выпустил стрелу туда, где только что был волк, но в ту же секунду понял, что промахнулся: волк бросился на одну из кобылиц, и та сделала единственно возможное для своей защиты – повалилась на бок и начала кататься на спине. Мустанг, словно обезумев, брыкался, вставал на дыбы, храпел. Вой собак сливался с криками воинов. Был темно, потому что луна повисла где-то за холмом.

Харка спрыгнул с коня. Теперь он мог себе это позволить, зная, что вожак не покинет стреноженный табун. Проворно повесив лук через плечо, он выхватил нож. Волк, уже готовый вцепиться лошади в шею, ничего не замечал вокруг. Харка подскочил к нему и метким сильным ударом вонзил ему в шею нож по самую рукоятку. Вытащив клинок, он издал победный

вопл. Но, опьяненный победой, он на секунду утратил бдительность и чуть не разделил участь своей жертвы: с ужасом увидел он перед собой целую свору хищников. Ему стало ясно: волчья стая разделилась; одна половина напала на лагерь с холма и хоть и понесла потери, но отвлекла на себя мужчин и собак, другая тем временем незаметно подкралась к лошадям и взяла табун в полукольцо. У лошадей ночью всегда выставляется охрана. Вечером Харка слышал имена тех, кому надлежало караулить табун, в том числе Четана и Шонки. Но сейчас их здесь не было. Они наверняка поддались соблазну принять бой с волками на холме вместе с воинами!

Харка издал предостерегающий крик. Три волка уже терзали одну из лошадей. Вероятность того, что они нападут на него, пахнущего «человеком» и потому опасного для них, была невелика; у них хватало другой, беззащитной добычи. Но вот один матерый волк, более рослый, чем остальные, вероятно вожак стаи, вдруг устремился на него. Харку спасло только то, что он в последний момент успел вскочить на отцовского мустанга, который все же не выдержал и в страхе поскакал прочь от табуна.

Метров через пятьдесят маленькому всаднику удалось повернуть жеребца, и тот, оправившись от испуга, с готовностью помчался назад – вероятно, чтобы увлечь за собой табун. Тем временем многие мужчины и подростки и даже женщины и девочки поспешили к табуну и принялись перерезать пути и вскакивать на лошадей, чтобы спасти их от хищников. Несколько волков, терзающих туши поверженных лошадей, были уже убиты всеми видами оружия, оказавшимися под рукой.

Харка больше не рещался спешиваться. Мустанг явно старался увлечь за собой табун, и мальчик не мешал ему. За ними наконец последовало множество лошадей с седоками и без них. Так людям удалось предотвратить беспорядочное бегство животных. Описав широкий круг по пустынной ночной прерии, табун вернулся в лагерь.

Волки уже сами спасались бегством, поэтому лошади безбоязненно скакали назад.

Но какое ужасное зрелище представлял собой лагерь! В серой полумгле, предвещавшей близкий рассвет, индейцы сразу увидели масштабы постигшего их бедствия. Двенадцать лошадей были зарезаны волками и отчасти растерзаны. Еще девять получили такие тяжелые ранения, что их пришлось заколоть. Пятнадцать бесследно пропали. Наверное, умчались в прерию,

порвав пути. Табун Сыновей Большой Медведицы насчитывал сто пятьдесят лошадей. Теперь они лишились каждой четвертой. Это была тяжелая потеря, особенно в пути.

Индейцы собрали лошадей вместе, на этот раз на другом конце лагеря: запах крови тревожил и волновал их. Женщины резали мясо погибших животных, а Хавандшита и Матготаупа справедливо распределяли его между вигвамами по количеству едоков. Самые голодные сразу же съедали по маленькому куску сырого мяса.

Харка снова привязал отцовского мустанга перед вигвамом и обошел лагерь, разглядывая мертвых волков и следы ночного побоища. Отыскав убитого им волка, он отрезал ему уши как трофеем. Его брат Харпстенна с восхищением смотрел на него. Харка знаком подозвал его и стал объяснять значение тех или иных следов и ход битвы, чтобы тот тоже постигал премудрости охотничьей жизни. Матерого волка, которого он увидел перед собой в самый опасный момент, нигде не было. Харка вместе с братом еще раз обошел лагерь, внимательно изучая следы вожака стаи. У того были более сильные лапы, и прыжки его были длиннее, чем у других хищников. Ему удалось уйти.

– Этот волк – вожак стаи, – объяснял Харка брату. – По его следам видно, как он подвел стаю к лагерю и как разделил ее, чтобы перехитрить нас. Много волков убито, но другие наелись досыта, хотя вокруг нет бизонов.

Мальчики вернулись в отцовский вигвам. Там они увидели Четана и Шонку, пристыженно стоявших перед Матготаупой. Харка хотел сразу же вывести брата из вигвама, чтобы тот не слышал упреков в адрес его старшего друга Четана. Но не успел: Харпстенна уже бросился к матери вглубь палатки. Поэтому и он остался стоять у входа, слушая сердитую речь отца.

– Вы вели себя как маленькие девочки, не умеющие владеть собой! – сказал вождь, и для индейских юношей это был самый обидный упрек, какой только можно было придумать. – Вы бросили лошадей ради волчьих ушей. Сами знаете, к чему это привело. Воины племени Сыновей Большой Медведицы считают, что вы не достойны носить эти трофеи.

Харке было очень стыдно за своего друга. Какой позор! Чтобы смыть его, Четану придется совершить не один отважный поступок. Все это, конечно, относилось и к Шонке, но о нем Харка не думал. Он отвернулся, сделав вид, будто ничего не видит и не слышит. Ему не хотелось подвергать Четана дополнительному унижению – выслушивать упреки в присутствии одиннадцатилетнего мальчишки.

Бледные, с закушенными губами, покинули юноши вигвам вождя, который сказал им то, что теперь им самим предстояло говорить себе день и ночь, пока они не искупят свою вину.

Матготаупа отдал приказ отправляться в путь. Тридцать вигвамов были быстро разобраны. Кому-то из детей пришлось продолжить путешествие на спине у матери или довольствоваться местом на волокуше, поскольку лошадей теперь не хватало. Несколько женщин шли пешком, как Хавандшита.

Харка, Убивший Волка, снова ехал на своем пегом мустанге в одном строю с воинами.

Счастличик

В то утро, когда на стойбище Сыновей Большой Медведицы обрушился ураган и им пришлось на несколько часов отложить выступление в поход, в пещере на склоне скалы происходило нечто странное.

Глубоко в недрах горы, в кромешной тьме, изнемогая от духоты, боролся за свою жизнь человек. Его кожаные куртка и штаны, босые ноги и волосы были мокрыми. Он сидел в выемке почти вертикального ответвления пещеры и лихорадочно на ощупь изучал свое крайне неудобное укрытие. Голова его гудела от оглушительного шума воды, которая чуть ниже, всего в нескольких метрах от него, со страшной силой неслась по пустотам горы. Он только что каким-то чудом вырвался из лап этого смертоносного подземного потока. Ему еще самому было непонятно, как это могло случиться, но он уже немного пришел в себя. У него все болело: голова, плечи, колени. Вода играла с ним, как с мячиком, била его о стены, швыряла в бездны. Ружье, шляпу и нож он потерял, зажигалка намокла. У него не осталось ничего, кроме собственной шкуры и мокрой одежды. И это в темном чреве горы, притом что он не имел ни малейшего представления, как из нее выбраться!

Он заставил себя дышать спокойно и попытался обдумать свое положение.

Вода унесла его вниз, значит отверстие, через которое он проник в пещеру, находится где-то над ним. Прямым путем, вверх по руслу водопада, ему туда уже не вернуться. Ничего не оставалось, как попробовать вскарабкаться чуть выше и посмотреть, нет ли там какого-нибудь бокового ответвления. Перспективы, конечно, далеко не радужные, к тому же он очень устал, но и пищи у него не было, и если в нем еще теплилась хоть крохотная искра надежды, то он должен немедленно отправляться в этот опасный путь. От жажды он уж точно не умрет: воды он наглотался впрок.

Он снова принялся руками и босыми ногами ошупывать камни, потом медленно, осторожно, цепляясь за трещины и выступы в стене, двинулся вверх. Этот способ передвижения был необычайно утомительным. Он уже не понимал, день сейчас или ночь и сколько времени прошло с тех пор, как он начал свое восхождение. Трудно было судить и о том, сколько метров ему уже удалось преодолеть. Но то, что усилия его не напрасны, он не сомневался. Русло становилось все более пологим, и двигаться вперед ему было все легче.

Это придавало ему силы. Стиснув зубы, он карабкался вверх. Неожиданно оказавшись на развилине, он растерялся и не знал, в какую сторону двигаться. В конце концов он принял естественное решение: выбрал более широкий и удобный ход. Терзаемый страхом, что этот путь приведет его в тупик, он полз все дальше и дальше. Сердце его колотилось, пот струился по телу ручьями.

Вдруг надежда вспыхнула в нем с такой силой, что это было больше похоже на испуг: ему показалось, что он увидел впереди слабый проблеск света; он даже на секунду закрыл глаза ладонью, а потом вновь стал всматриваться во тьму, желая убедиться, что ему не померещилось. Нет, он не ошибся. В неясном мерцании он увидел камни и свою собственную руку. Он уже готов был броситься вперед, насколько позволяла узость прохода, но у него словно отнялись ноги: то, что он увидел, был не дневной свет, а отблеск огня. Огонь в пещере!..

Застыв на месте, он неотрывно смотрел на загадочный свет. Ему показалось, что он слышит какой-то звук. Человек? Возможно ли такое? Он затаил дыхание.

И вот они стоят лицом к лицу.

Он увидел два пальца, державшие горящую щепку, а в дрожащем свете – лицо. Лицо мужчины. С ножом в руке. Пока он не мог понять, старого или молодого. Тот был изумлен не меньше, чем он.

– Разрази меня гром! Черт побери! – произнес его визави.

– Черт побери! – эхом откликнулся он.

Голоса в пещере звучали зловеще.

– Три тысячи чертей!.. Откуда ты взялся, глиста черноволосая?

– Из воды, приятель. Как отсюда выбраться?

– Очень просто. Если я захочу тебя выпустить.

Щепка погасла. Тьма в пещере стала еще черней.

– А почему бы тебе не выпустить меня отсюда?

– А на кой черт мне тебя выпускать отсюда, ищейка вонючая, крыса пещерная, мокрая курица?

Громкий резкий голос в темноте звучал еще более угрожающе. И не предвещал ничего хорошего.

– Я не знал, что это твоя пещера.

– Теперь знаешь. Что ты тут искал?

– Искал? Ничего.

– Не ври, каналья! Или тебе жить надоело? Золото – вот что ты искал! Где оно у тебя?

– У меня ничего нет! Ничего!

– Где ты его нашел?

– Я ничего не нашел...

– Ну погоди! Я тебя научу говорить правду! Прощай! Я ухожу. Только не вздумай увязаться за мной. Это будет стоить тебе жизни. Стой там, где стоишь, и подымай поскорей. Приятных сновидений!

Судя по звукам, он и в самом деле направился прочь.

– Постой! Постой, приятель! Не будь таким жестоким! У меня ничего нет, я ничего не видел, я все скажу, я все сделаю!

– Ну и болван же ты! Пошли! Ты мне все расскажешь!

– Расскажу, расскажу!

В ответ послышался ехидный смех.

– Ладно, пошли, мокрая курица!

Они гуськом двинулись вперед, то ползком, то на четвереньках. Путь был длинным, очень длинным. Наконец впереди забрезжил свет. Дневной свет! Мокрая Курица испустил радостный вопль.

– Заткни пасть, идиот! В лесу индейцы!

– Знаю. Молчу. Благодарю тебя, Господи!

– Мне плевать, благодаришь ты Господа или нет, но, если ты не хочешь сейчас же отправиться к черту в преисподнюю, прикуси язык.

Мокрая Курица вылез из пещеры, вход в которую был скрыт корнями и ветвями деревьев, и в изнеможении повалился на землю. Почувствовав на себе недобрый взгляд своего спутника, он вздрогнул.

– Хорош, ничего не скажешь! – презрительно произнес тот. – Ты сейчас похож на бизона, с которого содрали шкуру. Говори, что ты тут искал?

– Золото! – ответил Мокрая Курица со слезами страха и злости. – Но из этого ничего не вышло.

– Золото! А кто тебя приглашал сюда искать золото, а?

– Ах, у нас прошел слух... Да и торговля моя шла плохо.

– Что за торговля?

– Меха и бренди.

– Вот и сидел бы за своим прилавком! Это как раз для таких придурков, как ты. Где ты посеял свои зубы, а?

– В Миннесоте, сэр, у индейцев дакота. В прошлом году.

– Какой я тебе сэр, болван!

Мокрая Курица, немного успокоившись, сел и посмотрел на собеседника. Тот оказался молодым парнем, лет двадцати трех, и имел скуластое обветренное лицо. Резкие складки у губ придавали ему злобное выражение. Мокрая Курица решил не доверяться ему и быть с ним начеку. Не хватало ему после всех этих злоключений в пещере напоследок еще и лишиться жизни.

– У нас там пошли разговоры, – продолжил он. – Никто толком ничего не знал... Слышали только, что где-то у Черных холмов кто-то что-то нашел, но никто ничего не видел. А тут это проклятое восстание дакота в прошлом году! Мне и лавку разгромили, и зубы выбили... Ну, я и подумал...

– Да-да, ты подумал: а вдруг здешние индейцы – приветливые ребята? Могу тебя порадовать, дружок: они заключили договор, по которому эти земли навсегда поступают в их владение, и, если ты им попадешься на глаза с твоей белой рожей, они тебя сначала помучают всласть, а потом без зазрения совести зажарят живьем. А твой скаल्प будет болтаться на шесте.

– А я не собираюсь попадаться им на глаза.
– Собираешься ты или не собираешься – ты уже почти был в их лапах. Куда ты дел свои сапоги?

– Сапоги?

– Не прикидывайся идиотом, я этого не люблю. Я от этого становлюсь еще злее. Ты топал в них там, внизу, по лесу, как слон, и оставил роскошные следы.

– Следы?.. – испуганно переспросил Мокрая Курица.

– Да, милый мой, настоящие слоновьи следы. А потом ты полез в пещеру, верно?

– Да...

– И тебе там никто не встретился? Кроме меня?

– Встретился...

– Счастье твое, что ты честно признался. Ну и как прошла встреча?

– Я и сам толком не понял. Страшно вспомнить!.. Я попытался вскарабкаться наверх вдоль водопада и свалился в воду. Я цеплялся за все, что попадалось под руку, и вдруг в темноте схватился за чью-то руку. А этот тип вовсе не горел желанием полететь вниз вместе со мной и дал мне на прощанье хорошего пинка, так что я плюхнулся обратно в воду и пошел считать камни...

– Хм. Недурно. А главное – смешно! Ха-ха! Во всяком случае, от души советую тебе как можно скорее исчезнуть из этих мест. Беги, дружок! И не просто беги, а со скоростью мустанга!

– Не знаю, найду ли я теперь свою лошадь.

– Зато я знаю. Потому что ее нашел я. Так вот ты сейчас сядешь на нее и поскачешь отсюда, и если появишься в этих лесах еще хоть раз, считай, что ты труп! Понял? Это моя кормушка!

– Понял. Твоя кормушка.

– Как видишь, я соображаю лучше тебя, согласен?

– Да.

– Ну так вот слушайся меня. Я отдаю тебе твою лошадь – мне эта дохлая кляча не нужна, – и ты убираешься ко всем чертям. Как тебя зовут?

– Бен.

– Подсказать тебе настоящий бизнес?

Бен вздохнул и с благодарностью посмотрел на него.

– Езжай на Найобрэру и открывай там лавку. У тамошних мест большое будущее. А я позабочусь о первых клиентах для тебя, чтобы ты поскорей опять встал на ноги. Порох и свинец – вот чем тебе нужно торговать. И водкой. Тогда к тебе потянутся охотники, а потом и индейцы. Значит, будут и меха.

– Как – индейцы?..

– Ты – идиот, я тебе уже это говорил. Рыскать по их прериям и лесам, вынюхивая их секреты, когда они сами голодают, – это самоубийство. Во всяком случае, для тебя. А продавать им порох и свинец...

– Да, да, да, верно! Но... все это для меня как-то... слишком быстро...

– У меня всегда все быстро, и в жизни, и в смерти. Запомни это. Ну так что, ты согласен?

– Я попробую.

– Ты понял, болван, как выгодно дружить со мной?

– Понял!

– Твое счастье! Пошли.

Еще ошалевший, Бен потащился за своим новым другом по лесу. Это был долгий и утомительный путь. От усталости Бен то и дело спотыкался и падал. Он уже успел разменять пятый десяток, и его силы даже в обычных условиях не шли ни в какое сравнение с выносливостью

этого молодого рыжего парня. Когда они наконец добрались до лошадей, Бен сразу же открыл седельную сумку и жадно накиннулся на свой неприкосновенный запас – кусок вяленого мяса.

– Я великодушно оставил это тебе, – насмешливо сказал Рыжий. – А теперь проваливай!

– У меня нет оружия...

– А мне плевать. Нечего было его терять. Вперед! И до конца жизни забудь даже думать о Черных холмах, ты меня понял?

– Понял.

Бен сел на лошадь и осторожно поехал в лес, чтобы потом через прерию покинуть эти места, двигаясь на юго-восток. Он промерз до костей в своей мокрой одежде, но в голове у него было только одно: поскорее скрыться от этого человека. И в то же время тот вселял в него такой страх, что в глубине души он твердо решил открыть на Найобрэре лавку, которая ему там зачем-то понадобилась. С таким пройдохой лучше не портить отношения... К тому же, возможно, там, на Найобрэре, он и в самом деле снова разбогатеет, причем с меньшим риском, чем в этой проклятой пещере с ее темными лабиринтами и свирепыми водопадами.

Его рыжий спутник тем временем влез на дерево и, увидев, что Бен действительно пустил лошадь в галоп, рассмеялся.

– Болван! – повторил он. – Золото найдет только один счастливчик, и этот счастливчик – я.

Он вернулся к своей лошади, съел, не разводя костра, остатки своей охотничьей добычи и лег рядом с лошадью поспать часок-другой. Проснувшись – ровно через столько времени, сколько он сам себе отвел на отдых, – он не огорчился, что уже стемнело. Его планам это не могло помешать. Зная, что Сыновья Большой Медведицы ушли со своими вигвамами, он без опасения направился к лесному склону, где находился вход в пещеру, которым воспользовались Маттотаупа и Харка. Он тоже спустился вниз с помощью лассо и осторожно вошел в пещеру. На ощупь продвигаясь вперед, он слышал нарастающий шум водопада, который чуть не угробил Бена. Добравшись до подземного потока, он сел на землю и высек огонь, чтобы как следует осмотреться. Все внимание его было приковано к боковому ответвлению пещеры по правую руку, из которого низвергался поток.

– Проклятье! Чтоб я сдох! – сказал он сам себе. – Три тысячи чертей! Это единственное, чего он мне не рассказал, этот недоумок: зачем ему приспичило лезть именно вверх, откуда идет вода? Что-то тут не то...

Он еще раз внимательно осмотрел стены.

– Нет, вскарабкаться наверх именно здесь – это никому не под силу, даже мне, Рыжему Джиму. На кой черт они все пришли сюда – и краснокожие, и эта Мокрая Курица? Именно сюда?.. Что-то тут не так, но никак не пойму, в чем тут фокус, чтоб мне сдохнуть! И эта Мокрая Курица тоже не знал секрета, иначе не полетел бы вверх тормашками ко всем чертям...

Огонь погас.

– Ладно, на сегодня всё. Надо придумать что-то другое. Изловчиться как-то иначе. Но это мои владения, и я никого к ним не подпущу. Это говорю я, Рыжий Джим! – прибавил он, зло сверкнув глазами.

Он вернулся к лошади и поспал еще час.

Утром Рыжий Джим выехал на опушку леса и осмотрел все еще отчетливые следы, которые оставили Сыновья Большой Медведицы, покидая стойбище. Щурясь на солнце, он еще раз порадовался своей ловкости, с которой так лихо спровадил отсюда Беззубого Бена. Он не сомневался, что этот торговец, контрабандист, золотоискатель и кем ему там еще довелось быть в своей жизни, будет слушаться его, Рыжего Джима. Идея с магазином на Найобрэре была импровизацией, но пришла ему в голову не случайно. Когда он скакал к Черным холмам, он с досадой отметил, что в пограничных землях ему не попалось на пути ни одной лавки, в которой можно было бы разжиться всем необходимым для его опасной экспедиции. А такой

предприимчивый малый, как Бен, мог бы наладить здесь торговлю. Главное – чтобы он не зарывался и действовал осмотрительно. Но охота к самостоятельным приключениям, похоже, у него прошла.

Такой властью, какую он возымел над Беном, он пользовался еще мальчишкой в отношениях со своими сверстниками, будучи шустрым, сообразительным, ловким и бессовестным, из-за чего они все его и боялись. Он лишний раз порадовался своей злой силе, но его по-прежнему мучила досада, что он так ничего и не нашел ни в пещере, ни в речном песке. Ни зернышка, ни пылинки золота! А ведь, по слухам, в этих местах сокрыты несметные сокровища, и он хотел стать первым, кто их отыщет. И он станет первым! Только он один. Теперь это – его владения.

Придя к такому обнадеживающему решению, он вдруг сделал нечто, что, казалось, не имело никакого отношения к его заветным мыслям: не спеша поехал по следу, оставленному Сыновьями Большой Медведицы.

Враждебные соседи

Второй день Сыновья Большой Медведицы шли на юг. Харка ехал на своем пегом мустанге, то и дело оглядывая прерию. Но все помыслы его были устремлены вперед, на юг, к новым землям, в которых его братья надеялись найти бизонов и наконец утолить голод. Все молчали, занятые своими мыслями и наблюдениями. Высоко в небе кружил орел. Около полудня на горизонте проступили очертания Скалистых гор, увенчанных снежными коронами, сверкающими на ярком солнце.

До захода солнца индейцы проделали путь длиной в пятьдесят семь километров. Красота заката, залившего небо и прерию багровым пламенем, мало заботила измученных переходом людей. Поеживаясь от холода, поднявшегося от земли с наступлением темноты, они быстро, ловкими привычными движениями установили тридцать вигвамов.

Дети, завернутые в шкуры, тотчас же уснули и проснулись, лишь когда на востоке вновь засияло солнце во всей своей утренней красе. Лагерь и в этот раз был разбит рядом с небольшим водоемом, и утром выяснилось, что на берегу есть два удобных места для купания. К одному из них направились женщины, к другому – мужчины. Харка очень огорчился, увидев, что ручей даже сейчас, весной, мелок и в нем невозможно плавать. Летом он, наверное, совсем пересохнет. Они с Харпстенной вдоволь набарахтались и набрызгались в воде, а после купания растерлись песком и намазались медвежьим жиром, который смягчал кожу и делал ее эластичной и невосприимчивой к солнцу, ветру и холоду. На завтрак они получили по куску волчатины. Мясо оказалось невкусным, но это было все же лучше, чем ничего.

До выступления в путь оставалось еще немного времени. Бабушка Унчида сидела у очага и разбирала травы, найденные ею на берегу ручья, объясняя детям целебные свойства растений. Эта трава, говорила она, заживляет открытые раны, а вот эта разглаживает шрамы. Уинона слушала очень внимательно, ведь она хотела когда-нибудь стать такой же почитаемой знахаркой, как бабушка. Харке это занятие скоро наскучило.

– Ты думаешь, что нашим воинам скоро понадобятся эти целебные травы, чтобы залечивать раны? – спросил он Унчиду.

– Ты читаешь мои мысли, Харка, Убивший Волка, – ответила та. – Мы идем туда, где в полдень солнце стоит в зените. Там живут пауни, враги племени дакота. Они тоже охотятся на бизонов, и, если мы встретимся с ними, нашим мужчинам придется сражаться.

– Мой отец сказал, что земли дакота простираются до великой реки и у пауни нет права переходить ее!

– Так говорят вожди и воины дакота. Вожди и воины пауни думают иначе...

Унчида не успела договорить: в вигвам вошла мать Харки. У нее был взволнованный вид. Она сообщила, что разведчики обнаружили вблизи лагеря чужие следы. Харка тотчас выбежал из вигвама, чтобы узнать подробности.

Он увидел, что Маттотаупа и Солнечный Дождь стоят перед вигвамом шамана Хавандшиты. Солнечный Дождь что-то говорил Маттотаупе, словно стараясь убедить его в чем-то до

того, как они войдут внутрь и начнется совет. Но тот, судя по всему, сомневался в его правоте. В конце концов они прервали разговор и вошли в вигвам.

Харка в нерешительности застыл на месте, не зная, вернуться ли ему в вигвам или поискать Четана, чтобы вместе с ним проведать Молодых Собак. Но тот вдруг сам словно вырос из-под земли.

– Что ты стоишь тут, как бизон, потерявший свое стадо? – воскликнул он.

– Они держат совет в вигваме Хавандшиты.

– О чем, не знаешь?

– Наверное, о следах.

– И что ты об этом думаешь?

– Наши разведчики обнаружили следы. Что я могу думать, если я даже не видел этих следов? Сначала мне надо их увидеть, а потом уже думать о них.

– Хау. Хочешь, я покажу тебе эти следы?

– Да!

Харка весь напрягся, как тетива в руках воина.

– Идем!

Они бегом отправились в прерию. У своего осиротевшего вигвама стоял Шонка и смотрел им вслед.

Четану и Харке не пришлось далеко бежать. Метрах в трехстах от лагеря был один из тех плоских холмов, которыми изобилует прерия, и на его пологом склоне, на границе со следующим холмом, Четан показал Харке один из замеченных следов. Харка долго молчал, изучая след. Он понимал, что друг проверяет его навыки следопыта. Четан терпеливо ждал.

– Примятые стебли уже немного распрямились, – произнес наконец Харка. – Но только чуть-чуть. Большинство из них вялые и слабые после зимы. Здесь в траве лежал человек. И он был очень осторожен: ложась и вставая, он почти не оставил следов. Но, поднимаясь на ноги, он двигался быстрее и не так осторожно. Видишь этот неглубокий след ноги у кустика травы в песке? Это не босая нога, а носок мокасына. След свежий, у него еще четкие очертания. Это был индеец, и он ушел недавно, только под утро. Может, ему пришлось быстро скрыться. Вы его не видели?

– Нет, – ответил Четан подавленным голосом, почти виновато. – Мы не видели ни его, ни его спутника. Возможно, их было даже трое. Они, скорее всего, прошли мимо нас почти до самого лагеря, а когда мы увидели чужие следы и пошли назад, они тоже вернулись. И опять прошли мимо нас, и мы не заметили их. Но мне кажется, они тоже нас не видели. Наверное, один из них тоже обнаружил наши следы, и мы дважды проморгали друг друга.

– Это смешно и стыдно! Значит, мы не знаем, из какого племени эти индейцы?

– Нет, но эти неизвестные воины должны были увидеть, что наши вигвамы – это вигвамы племени дакота.

– Может, это тоже были дакота, а может, шайенны, – задумчиво произнес Харка, все еще глядя на след.

– Дакота, или шайенны, или пауни – мы этого не знаем.

– А кто-нибудь пошел по их следам?

– Их следы оборвались, а поиски потребовали бы много времени. Поэтому мой отец пошел к вигвамам, чтобы обсудить все с вождем военного времени. Наши разведчики, сменившие моего отца, Шонку и меня, прошли дальше на юг и наблюдают за прерией. От них пока нет вестей.

– Если бы чужие разведчики принадлежали к одному из племен дакота, они бы сразу пришли к нашим вигвамам, как только поняли бы, что мы тоже дакота, – продолжал рассуждать вслух Харка.

Дакота делились на семь групп – «семь костров совета племени», – которые, в свою очередь, состояли из множества маленьких племен, что было обусловлено образом жизни охотников. Сыновья Большой Медведицы принадлежали к жившим на западе тетон-дакота, а именно – к группе оглала.

– Даже если это были дакота – может, они сначала решили сообщить о нас своему вождю, прежде чем открыто появиться у нас.

– Не думаю, – возразил Харка. – Наверное, это были пауни.

– Пауни – трусливые койоты! – презрительно произнес Четан. – Они живут на реке Платт. Вряд ли они отважились бы уйти так далеко на север, в земли дакота!

– Может, они тоже голодают.

– Раз мы не видели в пути ни одного бизона, значит они должны быть на Платте и у пауни есть мясо.

– Откуда ты знаешь? Бизоны ничего не «должны». Кто им может приказывать?

– Голод, который и нас гонит на поиски пищи. Но к чему спорить? Следы нам ничего не дали. Я мало что знаю, ты знаешь не больше. Время очень скоро нас рассудит. Ясно одно: здесь только что были чужие воины.

– Они пришли пешком, а не приехали на лошадях, значит находятся еще где-то близко, как бы быстро они ни ходили.

Харка умолк, увидев, что из вигвама шамана вышли Маттотаупа и Солнечный Дождь. Вождь подозвал еще двух воинов, Старую Антилопу и Ворона, и вместе с ними и младшим вождем направился к своему типи. Это давало Харке возможность послушать, что будет сказано на предстоящем совете. Из отцовского вигвама его могли выдворить лишь в особом случае.

Он проворно обошел вигвам, стараясь не привлекать к себе внимание взрослых, и, прощмыгнув внутрь еще до прихода воинов, подсел к матери, бабушке, Уиноне и Харпстенне. Это был не торжественный совет. Мужчины набили табаком короткие трубки, значит совещание вряд ли затянется надолго.

– Вы знаете, о чем пойдет речь, – начал Маттотаупа. – Мы предполагаем, что это были разведчики племени пауни. Если эти пронырливые брехливые собаки появились здесь, они нападут на нас.

– Они умоются собственной кровью, а их скальпы будут висеть на шестах перед нашими вигвамами! – хвастливо заявил Старая Антилопа.

Маттотаупа бросил на него суровый взгляд, ибо тот нарушил обычай, согласно которому наименее уважаемому участнику совещания не подобает первым отвечать вождю. Старая Антилопа пристыженно опустил глаза.

– Мы должны быть готовы к битве, – сказал Ворон. – Возможно, эти вонючие крысы, не признающие закона предков, захотят наброситься на нас, прежде чем будет вырыт топор войны. Если они рыщут вокруг, в наших землях, значит знают, что и мы не пожалеем стрелы для любого из них, стоит ему только попасться нам на глаза.

– Это верно, – согласился Старая Антилопа. – Если мы встретим пауни, говорить будут не языки, а стрелы и копыя. Но я спрашиваю тебя, вождь Маттотаупа: что нам делать – ждать врагов здесь, в лагере, или идти дальше?

– Мы пойдем дальше! – гневно воскликнул Ворон. – Разве мы не на своей земле, не на земле дакота? Неужели мы станем прятаться от шайки наглых койотов, даже не зная наверняка, они ли это? Разве это достойно Сыновей Большой Медведицы?

Старая Антилопа нахмурился.

– Ты слишком скор на слова, Ворон, – возразил он. – Маттотаупа, что думает шаман? Ты говорил с ним?

– Да, – ответил Маттотаупа, – Солнечный Дождь и я говорили с Хавандшитой. Он советует идти дальше, разослав в разные стороны разведчиков.

– А что думаешь ты сам, Маттотаупа? Если мы пойдем дальше, в дороге наши женщины и дети будут более уязвимы, чем в вигвамах.

Слово взял Солнечный Дождь.

– У нас достаточно воинов, чтобы защитить женщин и детей. Мне не терпится наказать пауни, если они и в самом деле дерзнули прийти в наши прерии. Отправимся дальше!

Все были согласны с ним. Все горели желанием как следует проучить пауни, если те посмеют появиться.

– Итак, мы идем дальше, – произнес Маттотаупа.

Старая Антилопа покинул вигвам, чтобы во всеуслышание объявить о принятом решении.

Маттотаупа тем временем назначил шестерых разведчиков: троих всадников для скорости и троих пеших, которым было легче прятаться. Солнечный Дождь, Четан и Шонка должны были нести дозор пешком, а Ворон, его старший сын и еще один воин поскакали на лошадях.

Унчида первой отвязала полог вигвама, и женщины принялись разбирать жилища. Дрозды, постоянные спутники лошадиного табуна, вспорхнули и разлетелись, когда юноши и девушки пришли за лошадьми. Вместе с тремя разведчиками, которые уже сменили ночной караул, в дозоре теперь находилось целых девять человек. Такие необычные меры предосторожности принимались лишь в опасных ситуациях.

Вскоре после того, как затрепетал на ветру полог первого вигвама, индейцы покинули лагерь. Все были охвачены напряженным ожиданием. Воины достали из колчанов и держали наготове сразу по две-три стрелы, чтобы не терять ни секунды, если покажется враг. Время от времени кто-нибудь из них поигрывал пращей, сделанной из согнутой в кольцо ивовой ветки с прикрепленным к ней овальным камнем. Удар в голову такой летучей дубинкой был смертельным. Харка пока не вынимал стрелы из колчана. Иметь боевые стрелы с зазубренными накопниками ему еще не полагалось. Да и не пристало ему делать вид, будто он умеет сражаться как воин. Но он был исполнен решимости сразиться с врагами, если те попытаются напасть на женщин и детей. Мальчик держался ближе к матери и сестре, ехавшим на одной лошади.

Не прошло и получаса, как послышались тревожные сигналы разведчиков. Условлено было, что в случае опасности они используют определенные коленца из песенки дрозда, которые не могли насторожить врага. Но они подавали другие сигналы. Это означало, что им было уже не до осторожности. Сигналы быстро приближались. Разведчики поспешно возвращались. Харка напряженно вслушивался в эти звуки, поглядывая на отца, выделявшегося среди других воинов величественным обликом. Маттотаупа отдавал приказы. Никто уже не сомневался, что предстояла битва.

Наконец на низком холме показался Солнечный Дождь. Было видно, что он тяжело дышит, значит он бежал наперегонки со смертью. Младший вождь знаками предупредил о надвигающейся опасности: к колонне стремительно приближался отряд численностью более шестидесяти всадников. Едва Солнечный Дождь успел передать это беззвучное сообщение, как отовсюду опять послышались крики разведчиков, со всех ног спешивших назад, чтобы занять свое место в боевом строю. Харка различил новый звук, еще пока далекий, но не оставлявший никаких сомнений: то был топот множества копыт.

По приказу вождя женщины рядом с собой усадили детей к себе на лошадей и отцепили волокуши. Лучше потерять жилище и утварь, чем жизнь. Без домашнего скарба женщины с детьми в случае опасности могли ускакать прочь. Неприкосновенный запас вяленого бизоньего мяса и сушеных кореньев и ягод они носили на поясе в кожаных мешках.

Топот копыт нарастал с угрожающей быстротой. В прерии мустанги развивали наибольшую скорость. Харка смотрел на запад, откуда доносился этот шум. Наконец на гребне холма

появились чужие всадники. Они скакали, рассыпавшись в цепь. До них было еще далеко, но зоркие глаза охотников уже различали контуры врагов и видели, как те угрожающе потрясают копиями. Из лука их пока было не достать.

И вдруг произошло нечто страшное и трагическое. Раздался какой-то треск и грохот – какой-то зловещий звук, которого Харка никогда в жизни не слышал. Его мать схватилась за грудь и как бы отшатнулась, выронив поводья. Харка поспешил к ней, чтобы поддержать. Но она, уже мертвая, с застывшим взглядом, повалилась ему на руки. Он, не в силах удержать ее, спрыгнул с лошади и в последний момент поймал ее безжизненное тело, смягчив его удар об землю. За тот короткий миг, который потребовался, чтобы уложить ее на траву, Харка на всю жизнь запомнил это страшное зрелище: тонкую струйку крови из груди матери и ее побелевшее, еще молодое красивое лицо.

Уинона громко крикнула и тоже попыталась спрыгнуть с лошади, но он запретил ей это и велел не отставать от женщин. Затем вновь вскочил на коня. Его глаза горели, но были сухими. Опять раздался тот же оглушительный треск, что-то свистнуло у него над головой.

– Мацавакен! Мацавакен! Священное Железо! – крикнул Солнечный Дождь.

Харка испугался, но его переполняла безграничная, страшная ненависть к врагам, убившим его мать. Он посмотрел на отца и других воинов, которым предстояло отомстить за нее.

Враги тем временем приблизились на расстояние полета стрелы. Сыновья Большой Медведицы тоже вытянулись в цепь. Противники уже хорошо видели друг друга. Сорока двум воинам дакота предстояло сразиться с шестьюдесятью семью пауни. Надо было следить за тем, чтобы враг, имея численное превосходство, не окружил их.

Харка неотрывно смотрел на врагов. На них, как и на дакота, были лишь кожаные пояса. Смазанная жиром кожа блестела на солнце. Яркая боевая раскраска придавала лицам свирепость. Головы пауни, в отличие от дакота, носивших длинные волосы, были обриты наголо; только на затылке вызывающе торчал клочок волос, как бы дразня врага. Некоторые вражеские всадники уже целились из луков, другие потрясали копиями.

Харка искал глазами вражеского вождя и быстро узнал его по орлиным перьям на затылке и смертоносному оружию, которым тот убил его мать. Это была длинная трубка с большой деревянной ручкой. Харка заметил, как тот палочкой что-то засунул в трубку. Мальчик впервые видел огнестрельное оружие – ружье, заряжавшееся через ствол.

– Хи-юп-юп-юп-хи-яааа! – ответил Маттотаупа на выстрел вождя пауни боевым кличем дакота.

Сыновья Большой Медведицы подхватили клич, и он пронесся над прерией, как горячий ветер. Враги откликнулись пронзительными воплями, и крики столкнулись двумя волнами. В этот оглушительный хор вступили отчаянным лаем собаки.

– Эй, вы! Трусливые вонючие койоты! – крикнул Солнечный Дождь, заглушая рев голов. – Не думайте, что испугали нас своим мацавакеном! Вы способны воевать только с женщинами! Идите к нам! Мы покажем вам, как сражаются мужчины!

– Грязные оглала! – ответил вождь пауни. – Убирайтесь туда, откуда пришли, или мы покажем вам обратную дорогу! Ваши скальпы украсят наши шесты, а вы забьетесь в свои норы и будете скулить, как щенки!

Вслед за этим вновь поднялся невообразимый гвалт. Воины старались криками подбодрить себя и запугать противника.

Вождь пауни снова зарядил ружье и собирался прицелиться. Но Маттотаупа галопом помчался на него.

Все понимали, что сначала необходимо обезвредить страшное и загадочное оружие вражеского вождя, способное убивать на таком большом расстоянии. Если удастся завладеть им, одолеть врага будет нетрудно. Все жадно следили за Матготаупой. Тот на скаку метнул копьё, и оно угодило пауни в плечо, прежде чем он успел выстрелить. Раненый вождь выронил ружье и чуть не упал с лошади навзничь. Его вовремя поддержал подскочивший всадник. Матготаупа устремился дальше. Старая Антилопа и Ворон со своим старшим сыном поспешили ему на помощь. Несколько пауни бросились к раненому вождю, чтобы защитить его и ценное оружие. В результате боевой строй с обеих сторон нарушился. Этим воспользовался Солнечный Дождь: он пробился с несколькими всадниками сквозь возникшие бреши в цепи врага и ударил ему в тыл. Метким выстрелом из лука он поразил одного пауни, вызвав победный вопль дакота.

Оба вождя и их ближайшие соратники вступили в бой друг с другом. Старая Антилопа поднял с земли выроненное ружье, но, не зная, как с ним обращаться, и убедившись, что в его руках оно ни на что не годится даже как дубинка, отшвырнул его прочь.

Харка, зорко следивший за битвой, увидел, как ненавистное оружие упало в траву. Мустанги сражающихся всадников топтались по нему копытами. Он решительно передал повод своего мустанга Унчиде и спрыгнул на землю. Вскоре он уже был в самой гуще сражения, посреди беснующихся под своими всадниками, уже забрызганных кровью лошадей, получил удар копытом по руке, в горячке легко преодолел боль и поднял с земли ружье. Оно оказалось тяжелей, чем он думал. Ремня на нем не было. Харка зажал его под мышкой и со всех ног помчался назад. Вскочив на своего мустанга, он издал звонкий победный крик, ударил пятками в бока лошади и поскакал прочь. Он понимал, что добытый трофей превратил его самого в вожделенную цель для врагов. Именно этого он и добивался: он надеялся таким образом помочь воинам дакота решить главную задачу – рассеять противника и свести на нет его численное превосходство.

На скаку он успел заметить, что Хавандшита повел женщин и детей дальше. Волокуши со всем скарбом – жердями, сложенными вигвамами, одеждой, посудой и орудиями труда –

остались в траве. Часть собак принялась шарить среди брошенных вещей в поисках пищи, другие побежали вслед за людьми.

Харка еще раз громко крикнул и поднял руку с трофеем, чтобы привлечь внимание врагов. Услышав в ответ многоголосый гневный хор, он понял, что это ему удалось. Вслед ему полетели стрелы. Ловко, как настоящий воин, Харка спрятался за шеей мустанга. Стрелы просвистели мимо. Укрывшись за ближайшим холмом, Харка остановился и прислушался. По топоту копыт он понял, что его преследуют шесть или семь всадников. С криком прищиприв лошадь, он поскакал дальше. Мустанг летел по прерии, как птица, подчиняясь животному инстинкту – подальше от крика и смерти! Он скакал, вытянув вперед голову и раздувая ноздри; грива и хвост развевались на ветру. Харка припал к его шее. Оглянувшись, он увидел на холме своих преследователей. Они что-то гневно кричали ему вслед, а двое опять прицелились в него из луков. Но Харка был уже вне пределов досягаемости стрелы; триста пятьдесят метров мчащаяся галопом лошадь преодолевает за считанные секунды. Стрелы с зазубренными наконечниками, эти страшные вестники смерти, падали в траву у него за спиной. Харка выпрямился и еще раз потряс ружьем, чтобы подразнить врагов. И вдруг грянул выстрел. От неожиданности, не понимая, как это могло случиться, Харка выронил ружье. Но выстрел произвел на преследователей устрашающее действие. Они, вероятно, подумали, что Харка умеет обращаться с магическим оружием их вождя, и мгновенно исчезли за гребнем холма. Мальчик сдержал мустанга и повернул его назад, чтобы взять ружье. Ему не нужно было спешиваться. Прodeв ногу в петлю коня, он свесился вниз и на скаку поднял ружье с земли. Гордо выпрямившись, он поскакал к гребню холма, за которым скрылись пауни.

Отсюда ему хорошо было видно поле битвы.

Женщины и дети во главе с Хавандшитой уже успели отъехать на внушительное расстояние и пока были вне опасности. Смерть грозила им лишь в случае победы пауни.

Боевой порядок всадников окончательно расстроился. Поверженный вождь пауни мертвым лежал на траве. Маттотаупа вернул себе свое копьё и бился с одним из вражеских воинов, пытаясь еще раз коснуться острием мертвого вождя и тем самым добыть «ку»⁵, как того требовал обычай. Солнечный Дождь с несколькими воинами раздробил левое крыло противника и оттеснил его в сторону. Но на правом фланге пауни имели численное преимущество, и большинство Сыновей Большой Медведицы поспешили туда, чтобы поддержать своих воинов.

Харка кричал что было мочи, потрясая ружьем. Пауни, хорошо знавшие возможности священного оружия, снова смутились: одни поддались страху и обратились в бегство, другие, напротив, рассвирепев, помчались навстречу Харке. Благодаря этому положение дакота улучшилось, и, воспользовавшись сумятицей, они с новой силой бросились на врага. Тем временем Маттотаупе удалось поразить копьём своего противника, сильного, искусного воина, и он издал громкий победный клич. Это еще больше напугало пауни. Лишившись предводителя, они дрогнули, и многие понеслись прочь, спасаясь бегством.

Дакота бросились в погоню за ними, но их остановил сигнальный свисток вождя, означавший приказ выстроиться в боевой порядок для окончательного разгрома врага.

Харке пора было подумать о себе самом: пауни, намеревавшиеся отнять у него его трофей, приближались. На этот раз он изменил тактику: в первый раз он ускакал в прерию, чтобы отвлечь на себя часть вражеских воинов, теперь же он помчался к своим. Те встретили его ликующими возгласами. Всадники окружили мальчика, взяв его под свою защиту, а несколько воинов повернули мустангов в сторону его преследователей, чтобы отразить нападение четырех пауни.

⁵ *Ku* – в военном деле индейцев Великих Равнин прикосновение к телу врага рукой или каким-либо предметом, являвшееся способом снискать воинскую славу и подтвердить собственную воинскую доблесть, а также считавшееся своего рода трофеем.

Теперь дакота дрались, уже не сомневаясь в победе, и сопротивление противника было сломлено. В бегство обратились последние вражеские всадники. Они быстро удалялись, на скаку отстреливаясь из луков, и наконец последний живой пауни скрылся за горизонтом.

Маттотаупа низким свистом своего сигнального свистка дал приказ сбора. Рассеянные по прерии Сыновья Большой Медведицы прискакали к нему и, окружив лежавшее на траве тело вражеского вождя, исполнили нечто вроде ритуального танца, оглашая воздух криками и потрясая оружием, чтобы снять напряжение после кровавой битвы.

Вскоре с юга в лагерь возвратились женщины и дети, ведомые Хавандшитой. Утварь и пожитки все еще валялись в траве. Часть посуды была разбита, две жерди от вигвама сломаны, остальное нашли в целости и сохранности. Женщины занялись ранами воинов. Опасные раны перевязывали смоченным водой лыком, а мелкие оставляли открытыми, чтобы на них запекалась кровь и образовалась корка. Маттотаупа получил удар ножом в бедро. Унчида перевязала его. У Солнечного Дождя сильно пострадало плечо; вражеское копье разорвало мякоть и повредило сустав. Пришлось обратиться за помощью к Хавандшите. Старый шаман мало что знал о внутренних болезнях, зато прекрасно врачевал наружные раны, и ему удалось благополучно вправить плечевой сустав. Солнечный Дождь стиснул зубы, чтобы лицо его не исказила гримаса боли, не говоря уже о криках, недостойных воина. Унчида принесла Хавандшите целебные травы, собранные ею утром, тот положил их под повязку на рану. Солнечный Дождь побледнел, но подошел к своей лошади твердой походкой, как раненый, но живучий бизон. Унчида дала ему выпить какого-то целебного напитка из маленького бурдюка. Четан и Шонка тоже получили ранения. Четану стрела содрала кожу на предплечье, а у Шонки осталась шишка от удара боевой дубинкой, к счастью лишь скользнувшей по его голове и не расколовшей ему череп. Оба юноши вели себя храбро и теперь радовались, что так скоро смыли позор, которым покрыли себя, оставив табун во время схватки с волками. Харка потирал ушибленную копытом руку, которая теперь сильно разболелась, но, к счастью, свободно двигалась.

Сыновья Большой Медведицы тоже понесли потери: убиты были два молодых и два старых воина. Их семьи теперь остались без кормильцев. Женщины и дети оплакивали погибших. Уже были расстелены шкуры, в которые индейцы заворачивали мертвых.

Прощание было коротким: Сыновья Большой Медведицы не хотели задерживаться на поле битвы. Им нужно было, воспользовавшись победой, поскорее отправиться дальше.

Харка, Уинона и Харпстенна стояли вместе с Унчидой перед своей мертвой матерью, ставшей жертвой шальной пули. Их душили слезы и переполняла боль утраты. Вождь пауни, конечно, хотел убить кого-нибудь из воинов дакота, но промахнулся. И вот их мать мертва, и они видят ее в последний раз, прежде чем ее завернут в шкуру и повесят над землей, чтобы ее тело сушил ветер прерии и она не стала добычей голодных волков. Унчида провела ладонью по волосам Уиноны, и та прижалась к бабушке. Братья стояли, взявшись за руки. Битва и горе сплотили их всех еще сильнее. Наконец Унчида завернула тело матери в бизонью шкуру. Харка, отвернувшись, смотрел вдаль. В горле у него застрял ком, но он не проронил ни слезинки. Он с радостью отдал бы и славу, и трофей, добытые в сегодняшней битве, если бы это могло вернуть ему мать. Это понимала лишь Унчида, хорошо знавшая внука. Когда Харка вновь повернул голову и встретился с ней глазами, она прочитала в них боль, но, разделяя его сдержанность, ни взглядом, ни словом, ни жестом не показала этого. Он посмотрел на сестру, которая была так похожа на мать и которая стала ему в этот день еще ближе и родней. Но и это необязательно было знать кому бы то ни было, даже Унчиде, если, конечно, она сама об этом не догадалась.

Молодые Волки встретили Харку восторженными криками и принялись наперебой поздравлять его с тем, что он вел себя как воин и сумел добыть такой трофей. Солнечный Дождь, Ворон и Старая Антилопа тоже осыпали его похвалами. Но так же, как радость победы была омрачена горем, ликование его товарищей скоро уступило место тревоге о завтрашнем

дне. Никто не мог сказать, к каким последствиям приведет их первое столкновение с пауни и смогут ли они вообще утвердиться в этих краях, которые избрали своей новой родиной.

Маттотаупа снова разослал во все стороны дозорных, и Сыновья Большой Медведицы продолжили свое странствие в сторону реки Платт. Прерия, по которой пролегал их путь, находилась на возвышенности, и климат здесь был более суровым. Кое-где еще белели остатки снега. И куда ни глянь – ни деревца, ни кустика. Только ветер реял над бурой голой равниной. Когда наступил вечер, свет солнца быстро погас. На небе зажглись бесчисленные звезды.

Ветреным и холодным был этот вечер. Индейцы опять разбили лагерь у маленького водоема. Все поспешили укрыться от холода в вигвамах. Мерзли только часовые, выставленные на дальних подступах к лагерю.

Лошади, уставшие не меньше, чем люди, наспех утолив голод, сбились в кучу, грея друг друга. Некоторые легли на траву. Собаки, тщетно поискав остатки пищи, отправились на охоту в непроглядную тьму. Несколько койотов, тьякавших где-то поблизости, поспешили унести ноги.

Харка сидел вместе с Унчидой, Харпстенной и Уиноной в глубине вигвама, как и утром этого долгого и богатого событиями дня. Огня в эту ночь никто не разжигал: запах дыма мог выдать врагам место их лагеря, даже если те находились за много километров от него.

Дети вождя страшно устали и были подавлены. Сейчас, вечером, в вигваме, они с особой остротой ощутили отсутствие матери, и на душе у них было горько и пусто. Никто из них не хотел спать. В этот вечер они боялись сна, несмотря на усталость, и Унчида не принуждала их. Она тихо, вполголоса пела жалобную песню-плач, исполненную глубокой скорби, и дети жадно слушали ее. В голосе Унчиды звучала такая сила, такая любовь, что дети чувствовали себя рядом с ней в безопасности.

Снаружи доносились совсем другие звуки: мерный топот множества ног и молодые женские голоса, монотонно, нараспев произносившие заклинания. Это был ритуальный танец вокруг свежих скальпов убитых пауни. Индейцы считали, что окончательно врага можно победить, лишь умиротворив его дух. Поэтому женщины и исполняли этот танец-заклинание вокруг скальпов, чтобы на духов врагов снизошел мир.

Это знали и дети.

Харка, положив мацавакен на колени, ощупывал его в темноте. Он ненавидел это оружие, убившее его мать, и в то же время чувствовал, что связан с ним какими-то незримыми узами. Оно должно было искупить причиненное ему зло. Этим оружием он хотел отомстить за мать. Хотел убивать из него пауни. Он не считал людьми этих двуногих зверей с голыми черепами, украшенными нелепым клоком волос. Дакота – люди, думал он, а пауни – волки, которых надо убивать.

Он не хотел дожидаться, когда станет воином. Ждать столько лет он не мог. У него был мацавакен, добытый в бою и принадлежащий ему. Он должен был разгадать тайну этого оружия и научиться им пользоваться. Кто из Сыновей Большой Медведицы мог помочь ему в этом? Никто. Даже отец не умел обращаться со священным оружием.

Уинона тем временем положила голову на колени Унчиде, словно собираясь уснуть. Но она не спала.

Снаружи все еще доносился топот и монотонное пение. Ритуальный танец-заклинание обычно длился несколько часов.

Маттотаупы не было в вигваме. Наверное, он обсуждал на совете с Хавандшитой и Солнечным Дождем, продолжить ли завтра поход и в каком направлении двигаться.

Харпстенна и Уинона наконец уснули. Когда вождь вернулся в свой вигвам, не спал лишь Харка. Он посмотрел на отца. Тот, входя, оставил полог вигвама приоткрытым, и внутрь проник бледный лунный свет. Маттотаупа сел к холодному очагу, набил и раскурил маленькую трубку.

Наконец он повернулся к Харке. Мальчик все еще сидел, держа на коленях мацавакен. В его позе была какая-то неестественная напряженность. Отец знаком подозвал его к себе. Харка осторожно положил ружье на землю, опасаясь, что оно опять неожиданно выстрелит, и подошел к отцу.

– Ты сегодня действовал быстро, решительно и верно, – произнес Маттотаупа.

Харка принял похвалу с радостью, но это была какая-то другая радость – более серьезная, чем обычно.

– Мацавакен – твоя добыча, – продолжал вождь.

– Да, – ответил Харка.

Он почувствовал гордость. Слова отца означали, что ему, Харке, позволено оставить оружие себе.

– Ты выстрелил из него в бою.

– Нет, оно выстрелило само по себе, – честно признался Харка.

– Ему приказали духи.

– Может быть, отец. А может, мы просто не умеем обращаться с этим оружием. Нужно найти воина, который знает секрет мацавакена. Мы должны отыскать такого человека, чего бы это ни стоило, даже если нам придется сто дней блуждать по прерии. Татанка-Йотанка, великий шаман племени дакота, наверняка знает тайну священного оружия.

– Может быть. Но сейчас я хотел бы, чтобы ты подумал кое о чем другом. Уже наступила ночь, но тебе все же следует подумать об этом. Или ты слишком устал?

– Я не устал, – твердо произнес Харка.

– Харка, Убивший Волка, когда мальчику исполняется столько лет, сколько исполнилось тебе, он по нашему обычаю, должен принести жертву Великой Тайне.

– Да, отец.

Он хорошо знал этот обычай. Все его старшие товарищи уже принесли такую жертву. Харка сам видел, как Четан, с ранних лет проявивший твердость и отвагу, в одиннадцать лет принес в жертву свою любимую собаку. Он сделал это не моргнув глазом. Харка знал, что это была для его друга очень тяжелая жертва, ибо тот успел очень сильно привязаться к бедному животному. Но когда собака была погребена в одной из пещер Черных холмов и ей оказали почести, как Вакан-Танке, Четан преодолел свою боль не только внешне, но и внутренне. Все тогда гордились им, и он сам гордился собой. Харка всегда был уверен, что, когда это потребует, он тоже сможет принести свою жертву с таким же хладнокровием и такой же внутренней готовностью. Но теперь, утвердительно ответив на вопрос отца, он испугался. Тяготы дня, горячка битвы, скорбь о погибшей матери утомили его, хоть он и не признавался в этом, затуманили его разум и чувства. В душе его боролись боль и радость победы. Ему хотелось лечь и уснуть, как это сделали брат и сестра, но он чувствовал, что отец, непонятно почему, именно сейчас собирается возложить на него еще одно тяжелое бремя.

– Харка Твердый Камень, – продолжал Маттотаупа, – каждый мальчик жертвует чем-то, что ему дорого, и эта жертва – важный шаг к зрелости. Ты достойно вел себя в битве и помог нам, воинам. Ты тоже сможешь сделать этот шаг.

– Да, отец.

Харка и сейчас выразил свое согласие твердо и отчетливо, но при этом похолодел, и у него закружилась голова.

– Что тебе дороже всего, Харка?

– Мой конь, отец.

– Твой конь нужен нам сейчас, мы не можем им пожертвовать. Что тебе еще дорого, Харка Твердый Камень?

На этот раз Харка ответил не сразу. Он понял, что принести свою жертву ему придется уже этой ночью.

– Мне дорога моя добыча, – произнес он наконец медленно. – Оружие, которое убило мою мать и которым я хочу убивать пауни, научившись обращаться с ним.

– Было бы хорошо принести священное оружие в жертву Великой Тайне.

Харка проглотил ком в горле.

– Как это сделать, отец? – спросил он после долгого молчания.

– Отнести его в Священный Вигвам.

– Ты требуешь этого, отец?

– Я ничего не требую. Я только спрашиваю: готов ли ты преодолеть самого себя?

В груди у Харки вспыхнула гордость.

– Я готов.

Он поднялся с выражением упрямства и горечи на лице. Быть может, это было проявление страха: он боялся, что раскается в своем собственном решении. Он взял ружье и покинул вигвам. Отец не удерживал его.

Женщины, словно призраки, все еще танцевали вокруг развевавшихся на шесте скальпов. Два из них были трофеями Маттотаупы: они принадлежали вождю пауни и защищавшему его тело воину.

Харка прошел мимо женщин и направился к жилищу шамана. Полог вигвама был закрыт, но он решительно отвернул его и шагнул внутрь. Порыв ветра поколебал разнообразные предметы, висевшие на бизоньих жилах и высохших змеиных шкурах, и они тихо позвякивали в темноте. Харка остановился у порога. В глубине вигвама что-то зашевелилось, и перед ним выросла тень старого тощего шамана.

Харка протянул ему ружье.

– Вот то, что я, Харка Ночное Око Твердый Камень, Убивший Волка, приношу в жертву Великой Тайне, – твердо произнес он. – Я все сказал.

Хавандшита взял ружье:

– Это хорошо. Теперь оно принадлежит Священному Вигваму. Хау.

Не дожидаясь, скажет ли шаман еще что-нибудь, Харка повернулся и вышел. Он не пошел назад, в отцовский вигвам, а направился к табуну. В эту ночь, несмотря на свою легкую рану, в дозоре стоял Четан. Где-то вдали выли на восходящую луну волки.

Харка присоединился к другу и погладил своего пегого мустанга. Тот коснулся влажными ноздрями щеки своего юного хозяина.

Друзья молчали. Харка был погружен в раздумья. Приносить в жертву коня не потребовалось, потому что он был им сейчас нужен. Трофеем ему пришлось пожертвовать, но это было оружие, вселяющее страх во врагов. Разве оно не было нужно? Зачем ему без пользы лежать в Священном Вигваме? Зачем оно так срочно понадобилось шаману, прежде чем он, Харка, научился обращаться с ним? Сын вождя порой ловил себя на мыслях, в которых особенно явственно выражалось его отличие от других мальчиков и взрослых мужчин племени. Иногда от этих мыслей он испытывал страх перед самим собой или даже отвращение, но он не мог заставить себя не думать, не задаваться вопросами. Что Хавандшита собирается делать с ружьем? Может, он знает тайну мацавакена и умеет им пользоваться? Тогда оно принадлежит ему по праву, ведь никто другой из Сыновей Большой Медведицы не умел этого. А может, каждая тайна всегда должна быть рядом с Великой Тайной, в Священном Вигваме? Но мацавакен был в руках вождя пауни, и тот пользовался им, не будучи шаманом.

Харка пока не мог разобраться в этих вопросах, но и делиться своими мыслями с Четаном он не хотел. А вопросы не давали ему покоя, точили его изнутри, как черви дерево. Ему не хотелось отдавать ружье, в этом, возможно, и заключалась причина его тягостных переживаний. Но он ничего не мог с собой поделаться – он предпочел бы оставить ружье себе. Он хотел стать воином, который благодаря мацавакену стреляет дальше и лучше всех лучников и убивает больше врагов, чем другие. Это желание въелось в его душу после смерти матери и не

давало ему покоя. Он добыл мацавакен в бою! Он, мальчик! И поскольку ему против воли пришлось расстаться со своим трофеем, он решил, что рано или поздно во что бы то ни стало добудет другой мацавакен. Он станет день и ночь думать о том, как осуществить это намерение.

С этими мыслями Харка молча покинул своего друга и коня и возвратился в отцовский вигвам.

Маттогаупа еще раз похвалил сына за то, что тот не только проявил храбрость в битве с врагом, но и принес достойную жертву. Но Харка в первый раз в жизни принял похвалу отца равнодушно. И чем больше он думал о своей жертве, тем больше убеждался в том, что мысль о ней родилась не в голове отца, что его надоумил старый шаман. Харка уже не в первый раз чувствовал себя несправедливо обиженным Хавандшитой. Однажды дети играли в заклинание духов, и Харка был их «шаманом». Старик, случайно увидев их игру, обвинил Харку в злых помыслах.

Чужак

Когда на следующий день Сыновья Большой Медведицы продолжили странствие, раны, полученные в битве, напомнили о себе с еще большей остротой и еще больше затрудняли движения, чем вчера, когда воины были не так восприимчивы к боли, – сначала в пылу сражения, а потом из-за смертельной усталости. Переутомленные члены словно заржавели во время ночного отдыха. Маттотаупа заметил, что из-за поврежденного бедра он не может так легко управлять мустангом, как прежде, а Солнечный Дождь вообще оказался небоеспособным и с великим трудом держался на лошади. Гибель же четырех воинов стала для Сыновей Большой Медведицы серьезной потерей, которую они смогут восполнить лишь через несколько лет.

С полдюжины мужчин и подростков находились в дозоре. Ведь никто не знал, что будет делать дальше побежденный отряд пауни. Может, они уже послали гонцов в свои лежащие южнее земли с призывом отомстить дакота. К тому же дозорные должны были не только предупредить о возможном приближении противника, но заодно и искать следы бизонов: враги врагами, а пища стала теперь едва ли не главной заботой изголодавшихся индейцев. Поэтому они ожидали вестей с удвоенным нетерпением, но чувств своих никто не выражал.

Ветер опять реял над прерией, гнул к земле траву. Далеко на западе отчетливо проступили очертания Скалистых гор. На третий день Сыновья Большой Медведицы достигли ручья, который был шире, глубже и стремительней, чем все ручьи, что попадались им на пути. На вершинах гор, ограничивавших зеленую равнину на западе, все еще белели снежные шапки, однако снег на высоких склонах уже таял. Харка смотрел на бурный мутно-желтый поток, жадно лизавший берега и злобно рычавший там, где путь преграждало принесенное откуда-то и зацепившееся за коряги дерево.

Нужно было искать брод, чтобы переправиться через этот ручей, превращенный талой водой в настоящую реку. Хавандшита, повидавший на своем веку много прерий, лесов и рек, уверенно повел их вверх по течению. Через два часа они нашли брод. Здесь русло расступалось, река, став почти вдвое шире, замедляла свой стремительный бег и кое-где из воды торчали песчаные отмели.

Маттотаупа спешился и, жестом подозвав Харку, передал ему повод мустанга, а сам вместе с Хавандшитой пешком отправился с копьём в руке на другой берег. Им не надо было снимать одежду: намокшие до колен кожаные штаны быстро сохли на воздухе. Индейцы так искусно выделывали кожу, что она становилась мягкой. Перед каждым шагом вождь выставлял вперед копьё и пробовал глубину и силу течения. Перебравшись на другой берег и посоветовавшись, они с шаманом вернулись назад и отдали приказ переправляться. Натянутые между еловыми жердями и прикрепленные к лошадям кожаные полотнища были подвешены достаточно высоко, чтобы оставаться сухими в неглубокой воде.

Женщины осторожно повели лошадей через ручей. Мальчики тем временем позволили своим лошадям немного порезвиться и освежиться в воде.

Когда последние странники ступили на южный берег Северного Платта, мужчины во главе колонны остановились, а за ними и все всадники. Было решено разбить лагерь на ночь

прямо сейчас. Солнце еще стояло высоко в небе, и решение это всем показалось странным. Оно явно было вызвано какой-то особой причиной. Но никто не слышал предостерегающих криков дозорных, а Харка, ехавший в центре колонны, не видел, чтобы кто-нибудь из разведчиков возвращался. Впрочем, он мог и не заметить их в этой холмистой местности.

Ну что ж, у них еще будет время узнать, что заставило вождя принять такое решение. Все молча повиновались его приказу. Никто ни о чем не спрашивал, никто не суетился. Женщины принялись выбирать места для вигвамов. Жилища вождя и Хавандшиты должны были располагаться в центре лагеря.

Харка созвал свой отряд Молодых Собак и повел их к броду, где было безопаснее купаться. Но игры в ледяной воде не доставили им удовольствия. Они были голодны и мерзли быстрее, чем обычно, а потому вскоре вернулись в свои вигвамы.

Харка один бродил вокруг лагеря, изучая следы, и столкнулся с Шонкой, который возвращался из дозора. Ему пришло в голову, что, возможно, кто-то из разведчиков незаметно вернулся в лагерь и сообщил вождю что-то важное. Может, Шонка и был этим разведчиком? Харка пытливо посмотрел на юношу.

Тот почувствовал его взгляд.

– Чего ты уставился на меня? – сердито произнес он.

– Мне нет нужды смотреть на тебя, – холодно ответил Харка.

– Будешь тарашиться – увидишь кое-что, что тебе совсем не понравится.

– Глаза нужны мне, чтобы видеть, и не важно, понравится ли мне то, что я вижу, или нет.

Важно лишь не спать на ходу.

– Щенкам нужно пораньше ложиться спать, – язвительно произнес Шонка.

– Я – молодая собака, но не щенок.

– Можешь идти спать, если устал, только тебе придется рано вставать.

– Для детей дакота это дело привычное.

– Я могу будить тебя по утрам, если тебе не продрать глаза.

– Послушай, Шонка, что за разговоры о сне посреди бела дня?

– Ты сам начал.

Харке было не по себе от этого разговора. Он чувствовал, что Шонка знает больше, чем говорит, и что то, что он скрывает, не предвещает ничего хорошего. Шонка забавлялся его любопытством, и ему стало досадно оттого, что он выдал это любопытство своим взглядом.

– Хорошо, я сам начал. А тебе обязательно нужно все повторять за мной? – презрительно бросил он.

Шонка насмешливо фыркнул и пошел дальше.

Харка вдруг почувствовал себя одиноким, ему стало плохо, как раненому, потерявшему много крови. Он и сам не понимал, откуда это чувство, но не мог от него отделаться. Сейчас его никто не должен был видеть, потому что он считал, что потерпел поражение, хотя последнее слово и осталось за ним. Он поспешил к отцовскому вигваму и тихонько проскользнул внутрь. Ему ничего не хотелось делать, и он лег на бизонью шкуру и стал смотреть на небо сквозь отверстие в крыше, служившее дымоходом. Кроме него, в вигваме никого не было.

Через какое-то время пришла Уинона. Она села рядом с братом, распустила одну из своих длинных косичек и снова принялась заплетать ее. Харка приветливо смотрел на нее. Она, почувствовав его взгляд, тоже задумчиво посмотрела на него и сказала:

– Шонка и его мать будут жить в нашем вигваме. Он потерял отца, а мы потеряли мать, и Унчиде трудно одной управляться с хозяйством, пока я не вырасту.

– Так... – Харка разгладил складку на своей кожаной рубахе. – И кто это тебе сказал?

– Унчида. А ей сказал отец. Ты бы тоже это услышал, но тебя не было.

– Меня не было?

– Да, тебя не было.

Они умолкли. Каждый пытался представить себе, что в этот момент думает и чувствует другой.

В сущности, все было так просто и естественно. В суровой борьбе за выживание люди племени жили как одна семья, все помогали друг другу. Не обходилось, конечно, и без неприязни и вражды, но они не играли особой роли в жизни племени. Дела и поступки определялись насущными потребностями.

Харка ничего больше не сказал по поводу услышанного. Шешока, вдова Белого Бизона, вождя мирного времени, перейдет со своим сыном в вигвам военного вождя Маттотаупы, потерявшего свою жену в битве с пауни. Никто не удивился такому решению. Его одобрил бы каждый воин и каждая женщина. Шешока, правда, была не так умна и красива, как мать Харки, но она была трудолюбива и скромна и всегда будет послушна Маттотаупе и Унчиде.

– У нас есть Унчида, – произнес наконец Харка.

Его сестра глубоко вздохнула:

– Это правда. У нас есть Унчида.

Харка снова погрузился в раздумья. Его отец как вождь взял на себя обязанность сделать из Шонки хорошего воина. Шонка был теперь кем-то вроде старшего брата Харки. Правда, и братья часто мерились силой, ловкостью, отвагой и самообладанием. Он решил спрятать свои чувства глубоко в груди и показать Шонке только то, что он, Харка, хоть и молодая собака, но уже не щенок. Он осмотрелся в вигваме, обдумывая, где ему отныне лучше всего спать. У входа, решил он. Хорошо, когда в любой момент можно тихо и незаметно уйти или прийти. Он только теперь заметил, что Уинона беззвучно плачет.

– А где Харпстенна? – спросил он, чтобы хоть немного отвлечь свою маленькую, но из-за смерти матери сразу повзрослевшую сестру.

– Он помогает Шешоке собирать вещи, – всхлипнув, ответила та.

– Так, значит, он помогает собирать вещи, – произнес Харка.

Нет, он не пойдет туда. Уинона тоже не пошла помогать им. Зачем Харпстенне понадобилось лезть в женские дела? Гораздо важнее было узнать, почему они разбили лагерь здесь, на берегу реки, днем. Вождь наверняка получил от разведчиков какое-то важное сообщение, о котором пока никто не говорил. Только так можно было объяснить его решение.

Харка вышел наружу. Шешока разбирала вигвам Белого Бизона. Пожитки, оружие, трофеи, шкуры, посуда уже были сложены и упакованы. Харка сделал вид, что его все это вовсе не интересует. На минуту задумавшись о том, где можно поскорее найти Четана, он побрел к табуну. Гнедая лошадь Четана, как и ее хозяин, получила в бою легкое ранение, и насколько Харка знал Четана, тот сейчас должен был заниматься своим мустангом.

Он не ошибся. Сделав вид, будто пришел просто проведать своего собственного коня, он как бы между прочим подошел к другу. С Четаном не надо было долго ходить вокруг да около, чтобы потом к тому же еще и остаться ни с чем. Его старший друг хорошо понимал, что Харке не терпелось узнать, почему воины вдруг остановились посреди бела дня. Юноша сел на траву, подвернув под себя ноги, как воин на совете, и Харка последовал его примеру.

– Ты – предводитель Молодых Собак, Харка Твердый Камень, Убивший Волка, – начал Четан, – и должен услышать из моих уст, что произошло и почему мы не пошли дальше. Причина в том, что наши разведчики опять нашли след! – Четан сделал паузу, чтобы сильнее разжечь огонь любопытства, вспыхнувший в глазах Харки. – Это был след раненого человека, о чем говорит кровь на траве. Он хромал и, судя по глубине следов, нес что-то тяжелое – какой-то груз или человека. В одном месте после короткого привала он оставил странный предмет. Наверное, он просто забыл его, потому что предмет маленький и нести его нетрудно. Это была небольшая сумка, украшенная раковинами. Таких раковин наши мужчины никогда не видели.

Это не те раковины, из которых делают вапумы⁶. Хавандшита сказал, что у пауни нет таких раковин и что, хотя раковины проходят через руки многих индейских племен и совершают далекие странствия, таких Хавандшита никогда не видел.

– Значит, эти раковины принадлежали бледнолицему человеку?

– Они принадлежали человеку, который шел босиком.

– Босиком? Ни бледнолицые, ни краснокожие не ходят босиком. Наши разведчики пошли по следу чужака?

– Да, но очень осторожно. Хоть он идет босиком, возможно, это злой шаман и у него есть мацавакен.

– Его уже нашли?

– Еще нет. Но он идет очень медленно, и наши разведчики быстро догонят его. К вечеру мы узнаем, кто он и откуда эти раковины.

– Из-за этих загадочных следов мы и остановились?

– Да.

Четан умолк, видимо считая разговор оконченным, и Харка поднялся. Он решил не возвращаться в вигвам, пока чужака не поймают и не приведут в лагерь.

До наступления темноты оставалось еще часов шесть. Харка созвал Молодых Собак и отправился с ними к реке. Велев им сесть в круг, он объявил, что надо решить, чем заняться до вечера. Игры их сегодня мало привлекали. Мальчики были голодны, некоторые уже обесилели от голода, а некоторые к тому же потеряли отцов. Харка предложил заняться рыбной ловлей. Смастерить удочки было не трудно: на берегу росло много ивняка, из ветвей которого можно было вырезать ножами удилища. Правда, к кустам им пришлось идти по колено в воде, потому что берега были затоплены. Трое сбегали к табуну, принесли длинных волос из хвостов мустангов и, связав их вместе, изготовили лесу. Десять других искали наживку – насекомых и червей.

Закончив все приготовления, Харка и два его «младших вождя» выбрали и распределили места для рыболовов.

На несколько часов Молодые Собаки превратились в серьезных, молчаливых рыбаков, ловко закидывающих свои удочки и тянущих по поверхности воды лесу с наживкой. Время от времени рыбы выпрыгивали и хватали наживку. Воины и женщины при виде маленьких рыболовов одобрительно улыбались.

Когда солнце скрылось за цепью гор и по прерии пронесся вечерний ветер, стало быстро холодать и вскоре стемнело. Харка свистом созвал свое воинство. Юные рыбаки собрались и побросали свой улов – большую и мелкую рыбу – в одну кучу. Рыбы было не много, но и не так уж мало. Обычно мелкую добычу каждый оставлял себе, но так как пищи в лагере было мало, мальчики ни секунды не сомневались в том, что распределить улов должен вождь. Харка отправился на поиски отца.

Приблизившись к вигвамам, он сразу же увидел его. Маттотаупа, который сам ходил в дозор, только что вернулся в лагерь и сложил оружие в вигваме. Это означало, что им пока не грозила никакая опасность. Вождь как раз направился в сторону ручья. Возможно, он хотел посмотреть, как идут дела у маленьких рыболовов. Харка в двух словах доложил ему об успехах своих товарищей, и Маттотаупа пошел вместе с ним на берег. Осмотрев рыбу и, видимо, подсчитав в уме, что, возможно, удастся выделить каждому вигваму по несколько штук, он приказал поровну разделить добычу на всех. Мальчики с гордостью выслушали слова вождя, который принял их улов настолько всерьез, что даже велел разделить его на всех, как это бывает с добычей лишь после большой охоты на бизонов.

⁶ *Вапумы* – нанизанные на шнуры цилиндрические бусины, служившие североамериканским индейцам для различных целей, в том числе для передачи важных сообщений.

Харка принес в отцовский вигвам две рыбины. Войдя, он сразу заметил изменения: пол был устлан шкурами в два слоя, а посуды в глубине шатра стало вдвое больше. В центре вигвама краснели угли, заботливо присыпанные пеплом. Харка, с удовлетворением отметив про себя, что его треножная подставка для изголовья стоит слева от входа, там, куда он сам ее отодвинул, прислушался к разговорам, которые шепотом вели Уинона с Харпстенной и Унчида с Шешокой. Унчида замолчала, подойдя к очагу, взяла у Харки рыбу, вышла с ней наружу, выпотрошила и вычистила ее. Собаки тут же сцепились друг с другом за право проглотить скудные рыбы кишки. Потом Унчида зажарила большую рыбу на вертеле, и, когда в вигваме запахло жареной рыбой, пришел Шонка. Все уселись вокруг очага, и каждый получил по куску рыбы и несколько ягод из запасов Унчиды и Шешоки. Закончив трапезу и убрав посуду, все, кроме Унчиды, разошлись по своим углам. Пришел наконец и Маттотаупа, и мать изжарила ему вторую рыбу, поменьше. Тот наспех проглотил ее.

У индейцев дакота не принято было укладывать детей спать. Им приходилось вставать с восходом солнца, поэтому они успевали так утомиться за день, что сами ложились без напоминаний и уговоров. Так было и сегодня. Женщины и дети вскоре затихли на своих ложах из шкур. Харка оставил узенькую щель у входа, через которую мог видеть залитый лунным светом клочок земли до соседнего вигвама. Где-то рядом во тьме шумела река. Разведчики так и не доставили в лагерь чужака, о следах которого рассказал Четан.

Маттотаупа снова покинул типи, и Харка с минуту видел его спокойно стоящим перед входом. Вождь, казалось, ждал кого-то. Он стоял, опираясь на правую ногу: рана на левой, вероятно, все еще болела. Кроме кожаных штанов, на нем была еще и кожаная куртка. Значит, никаких боевых действий не предвиделось. В бой индейские воины всегда идут с обнаженным торсом. На затылке вождя красовались перья орла, прикрепленные к головной повязке из змеиной кожи. Харка с гордостью смотрел на отца. Какой он высокий и сильный! Выше всех мужчин их племени, а среди них не было никого ниже метра девяноста. И плечи его были чуть шире, а руки крепче и мускулистей, чем у большинства воинов. Нелегко было бы найти ему достойного соперника, превосходящего его в силе и ловкости: вождь необыкновенно метко стрелял из лука и так же искусно метал копье. Вождю пауни и всем его воинам было далеко до него. Харка любил своего отца и гордился им. Позабыв за этими мыслями о том, что где-то в глубине вигвама спят Шонка и Шешока, он наконец заснул. Он хотел как следует выспаться, чтобы встать со свежими силами, когда разведчики приведут в лагерь чужака со странными раковинами.

Когда он по привычке проснулся на рассвете, вождя в вигваме еще не было. Харка тотчас же выскользнул наружу и пошел к тауну, чтобы по отсутствующим мустангам понять, кого из мужчин нет в лагере. Там он, как и ожидал, встретил Четана, который, судя по всему, спал рядом со своей лошадь. Они поприветствовали друг друга и посмотрели, как сменяются дозорные.

– Ты говорил, что наши разведчики еще до ночи приведут чужого воина в лагерь, – сказал Харка. – Но они не сделали этого.

У Четана дрогнули уголки губ.

– Они не сделали этого. Потому что не могли.

– Кто же им помешал?

– Зачем ты спрашиваешь? Как будто сам не понимаешь, кто мог это сделать.

– Пауни?

– Больше никому. Они увели у нас чужака из-под носа.

– Это видели наши разведчики?

– Они видели следы.

– И что теперь будет?

– Пауни разбили лагерь южнее отсюда. Без женщин и детей. Они начали Танец Бизонов
7. Мы тоже начнем Танец Бизонов.

Четан прокашлялся:

– А если бизоны придут?

– Мы будем биться с пауни за право охоты.

– Хау.

В то утро, когда состоялся этот разговор между Харкой и Четаном, для Сыновей Большой Медведицы началась череда суровых дней. Часть мужчин несла дозорную службу, остальных Хавандшита по очереди созывал на Танец Бизонов – танец-заклинание, которым они надеялись привлечь в эту местность стада бизонов. Участники церемонии в бизоньих шкурах с рогатыми черепами бизонов на головах собирались перед вигвамами вождя и шамана и начинали, при-топывая, ходить по кругу, непрерывно повторяя:

Добрый дух, дай нам бизонов, бизонов, бизонов,
бизонов, бизонов, дай нам бизонов, добрый дух!

Танец был утомительным. Ровное, монотонное пение так глубоко проникало в сознание слушателей, что они уже не могли думать ни о чем другом, кроме как о бизонах, а их голодные желудки аккомпанировали заклинателям. Казалось, сама природа кричит: «Бизоны!» Это слово слышалось и в шуме реки, и в шелесте травы. Так продолжалось и день, и ночь, и еще один день. Танцующие, разведчики, женщины и дети испытывали все бóльшие муки голода. Женщины уже начали отлавливать и закалывать собак. Мясо откормленных собак считалось у дакота лакомством, но откормленных собак давно уже не было и в помине: от них остались только кожа да кости. К тому же собаки стали осторожней и недоверчивей, а многие убежали в прерию, чтобы охотиться, вместо того чтобы грызться друг с другом за жалкие крохи, перепадавшие им в лагере, да еще и рискуя при этом оказаться на вертеле.

⁷ *Танец Бизонов* – ежегодный праздник у североамериканских индейцев, знаменовавший начало охоты на бизонов.

Добрый дух, дай нам бизонов, бизонов, бизонов,
бизонов, бизонов, дай нам бизонов, добрый дух!

Танец длился уже пятый день. Вигвамы были полны заунывных звуков, а в желудках их обитателей давно уже не было ничего, кроме жесткого собачьего мяса. Уцелевшие собаки убежали подальше от лагеря. Сыновья Большой Медведицы мрачно смотрели на погружающиеся в сумерки мутные воды реки, из которых дети, к счастью, все еще умудрялись выуживать каждый день по несколько рыбин. Вожделенные стада бизонов не появлялись. Непрерывающийся танец пока еще не дал никаких результатов, но уже отнял у дакота столько сил. Хавандшита больше не показывался людям на глаза. Он сидел в своем закрытом вигваме и «говорил с духами».

Все думали только об одном: что делать? Даже Молодые Собаки совещались. Зимой бизоны пасутся на юге, а весной возвращаются на север. Они должны вернуться! Ведь они всегда возвращались. Но они не показывались. На юг они ушли, в этом не было сомнений. Все помнили большую осеннюю охоту и богатую добычу. Но вот зима миновала, и мясо было съедено, а бизоны не возвращались. Пауни тоже ждали их.

Добрый дух, дай нам бизонов...

«Иначе мы умрем от голода», – думал каждый. Но вслух этого никто не произносил. Пойти на юг, навстречу бизонам, было бы самоубийством. Ведь на пути стоял военный лагерь пауни, которые тоже пели: «Дай нам бизонов...»

Харка видел, что отец не только похудел, как все остальные, но стал молчаливым и мрачным. Он почти не давал себе покоя. То и дело он вставал в круг, чтобы как вождь и первый воин, как самый главный человек и лучший охотник племени с рогатым черепом бизона на голове и белым горностаевым мехом на плечах вместе со всеми воззвать своим сильным голосом к Великому Духу:

Дай нам бизонов, бизонов, бизонов...

Но бизонов все не было. Последние скудные запасы пищи в лагере строго распределялись. Дети весь день проводили на реке со своими удочками, чтобы хоть как-то помочь взрослым. Если в ближайшее время положение их не изменится, придется решаться на какие-нибудь отчаянные меры.

Молча стоя с удочкой на берегу или по пояс в воде, Харка поглядывал на запад, где темнели горы. Там, в лесах, должна быть дичь. Может, им придется двинуться дальше, вверх по течению реки, в сторону гор, которых никто из них не знал и в которых, возможно, тоже жили чужие и враждебные им племена, как и на юге. Но если уж им не остается ничего, кроме гор и лесов, то, может, не стоило уходить от Черных холмов? Тем более что дичи им все равно надолго не хватит.

...Бизонов, бизонов, бизонов...

В один из этих дней Харка лежал на вершине плоского холма, спрятавшись в траве. Вокруг гудели жуки и порхали бабочки, но он, не замечая их, напряженно всматривался в даль. Он ждал возвращения Четана из дозора. У них не принято было посылать в дозор юношей, еще не посвященных в воины. Но мужчин не хватало, и поэтому старшим подросткам приходилось выполнять опасные задания. Харка в эти дни суровых испытаний старался постоянно быть рядом со своим старшим другом, который был для него и примером для подражания, и самым надежным источником новостей.

Солнце закатилось за горизонт. Голую, щемяще пустынную и унылую прерию оглашали звуки нескончаемой песни-заклинания. Шум реки усиливался: снег в горах таял все быстрее, и река становилась все полноводней.

Харка ни о чем этом не думал, он ждал друга в надежде, что тот принесет новые известия. И вот наконец Четан – уже в темноте, озаренной лучами первых звезд, – вернулся и, как они условились, на минуту заглянул к Харке. В его движениях была какая-то необычная для него торопливость, и это говорило не только о спешке.

– Ты еще мальчик, – прошептал он, – но знай: пауни прекратили Танец Бизонов. У них есть мясо.

Харка в первое мгновение не знал, что и думать об этом. Ему стало не по себе.

– Они охотились на бизонов?

– Они не охотились, но у них есть мясо.

Харка похолодел от ужаса:

– Как это? Откуда?

– Они разожгли костры и жарят мясо. Старая Антилопа бежал впереди меня и, наверное, уже докладывает об этом твоему отцу.

Старая Антилопа был лучшим бегуном рода. И его отец и дед тоже были быстрее всех, а один из трех сыновей Старой Антилопы – Молодая Антилопа – в свои пять лет уже обгонял своих семилетних товарищей. Неудивительно, что Старая Антилопа достиг лагеря раньше Четана и Маттотаупа узнал обо всем первым.

– Четан! Кто дал пауни мясо?

– Это тайна.

– Великая Тайна?

– Не знаю.

– И это бизонье мясо?

– Да, это бизонье мясо.

В первый раз за последние дни Харка вдруг остро почувствовал слабость. Бизонье мясо! Убийцы его матери жрут бизонье мясо, так аппетитно пахнущее жареное мясо, мозги, печень! Пьют живительный крепкий бульон! Убийцы!..

– Четан, как ты думаешь, мы нападём на них? Сколько воинов у пауни?

– Почти сотня.

– Сотня!..

Это означало троекратное превосходство.

Четан заторопился. Нужно поскорее сообщить важную новость. Харка пошел вместе с ним в отцовский вигвам.

Маттотаупа велел разжечь посреди вигвама огонь и сидел у очага с Солнечным Дождем. От красноватых бликов костра тени казались еще чернее. Харка проскользнул вглубь вигвама, где сидели Унчида, Шешока, Уинона, Харпстенна и Шонка. Доклад Четана еще больше взволновал его. Он не отрывал глаза от лиц вождей, молча смотревших друг на друга, и чувствовал, что их отчаяние и ожесточение достигли предела и они готовы начать борьбу за пищу, даже невзирая на численное преимущество врага.

Но откуда у пауни взялось мясо, не знали и они. Разведчики сообщили им лишь, что в лагерь пауни с юга пришел отряд воинов, которые несли бизонье мясо, завернутое в шкуры.

– Сыновья Большой Медведицы соберутся на совет, – сказал Маттотаупа, и это означало, что сегодня никаких решений принято не будет, ведь общий совет может быть назначен лишь завтра утром.

Харка, как и другие дети и женщины, лег спать, но уснуть не мог. Как бы ему сейчас пригодился мацавакен! Он один мог бы ночью нагнать страху на сотню вооруженных стрелами пауни! Мацавакен! Эта мысль все настойчивей сверлила его мозг, он уже был не в состоянии думать ни о чем другом.

Наконец он не выдержал и выскользнул из вигвама. Никто, кроме Унчиды, этого не заметил.

Харка подошел к вигваму шамана и остановился. На длинном шесте перед входом, среди колдовских масок и сушеных звериных шкур, раскачивался мацавакен, который убил его мать и который он добыл в битве, а затем принес в жертву. Он не смел взять его. Он не смел даже думать об этом. Долго он стоял перед шестом и смотрел на мацавакен.

Потом он покинул лагерь, чтобы в темноте, наедине с самим собой, разобраться в своих чувствах. На глазах у дозорных он перешел реку и пошел, мокрый и продрогший, на север. Там дозоров не было, поскольку широкую реку достаточно было охранять с южного берега. Харку никто не окликнул. Часовые знали, что сын вождя всегда действовал не только храбро, но и разумно.

Вооруженный ножом, он двинулся вверх по течению. С тех пор как с заходом солнца Сыновья Большой Медведицы прекратили бесполезный Танец Бизонов, вокруг царил мертвая тишина. Только река пела свою монотонную песнь.

Когда ночной ветер высушил кожу Харки, он нашел себе укромное место для отдыха, наблюдения и раздумий, окончательно решив провести ночь вне лагеря. Надев на голову веночек из трав, чтобы стать еще незаметней, он спрятался в траве. Внимание, которое требовалось от него здесь, на лоне дикой природы, заставило его забыть о мацавакене и направило его мысли в другое русло. Он отважно боролся с голодом и усталостью. Ему хотелось испытать себя, проверить свое умение владеть собой.

Судя по положению звезд на небе, близилась полночь. Харка вдруг заметил севернее своего укрытия нечто странное: в одном месте трава качнулась в сторону против направления ветра. Причиной тому мог быть либо зверь, либо человек. Но шороха Харка не слышал. Тот, кто пошевелил траву, должен был быть очень ловким и иметь очень легкий шаг. Мальчик напряженно всматривался в темноту, но ничего больше не замечал. Значит, живое существо,

поколебавшее траву, еще находилось там. Может, там нора зверя, а может, это человек, который затаился. Что же делать?

Харка не раз бывал с отцом на охоте и научился терпению. Он ждал. Потом поднял голову – медленно-медленно, так, чтобы движение травы не было заметно, – и от изумления даже вздрогнул: там, где, по его мнению, должен бы затаиться зверь или человек, он увидел человеческую ногу, маленькую, как бы детскую ступню. В таком положении, как если бы ее обладатель лежал на животе, зарывшись головой в траву. Может, кто-нибудь из Молодых Собак прокрался сюда вслед за ним, чтобы сыграть со своим «вождем» в войну и перехитрить его? Тогда он очень скоро убедится, что недооценил Харку Ночное Око Твердый Камень, Убившего Волка. Во всяком случае, это не пауни, потому что индейцы хоть и предоставляли детям большую свободу, но все же не такую, чтобы те могли совсем близко подкрадываться к вражескому лагерю.

Харка решил не привлекать внимание часовых и действовать самостоятельно, а именно – обойти неизвестного маленького врага и напасть на него. Эта затея приятно щекотала его нервы.

Привычными движениями, бесшумно, как змея, он отполз назад в неглубокую ложбинку. Только оказавшись вне поля зрения врага, он стал двигаться быстрее и следил лишь за тем, чтобы не издавать звуков. Бесшумно двигаться в прерии нетрудно: это не лес, где полно сухих ветвей и листьев. На всякий случай Харка сделал большой крюк и зашел с севера. Чем ближе он подходил к цели, тем осторожней двигался.

И вот заветный миг настал. Он увидел незнакомца! Тот лежал на животе, широко расставив ноги и уткнувшись лицом в землю, как будто спал. Может, он притворился спящим, чтобы приманить его, а потом внезапно вскочить и напасть на него? Харка намерен был действовать наверняка и быстро. Лучшим видом осторожности он счел нападение.

Одним прыжком, как дикая кошка, он бросился на спину незнакомца, схватил его левой рукой за горло, а правой занес над ним нож:

– Кто ты? Говори!

Вместо ответа раздался какой-то невнятный звук, и тело незнакомца шевельнулось, но это было совсем не похоже на сопротивление. Харка тем временем внимательнее осмотрел маленького чужака. Одежда его состояла из коротких штанов и ветхой рубахи. Волосы его выглядели очень странными. Таких курчавых волос Харка никогда не видел. Кожа была темной, – во всяком случае, так казалось в лунном свете. Харка невольно вспомнил о необычной находке разведчиков – маленькой сумке с неизвестными раковинами. Может, этот курчавый мальчик и те раковины как-то связаны между собой?

Опираясь на землю левым коленом, Харка правым придавил чужака к земле. Он не знал, как быть дальше. Убивать пленника без нужды он не хотел. Пленный незнакомец, который, возможно, что-нибудь знает о врагах, сейчас для Сыновей Большой Медведицы полезней, чем мертвый. Но и выпускать из рук преимущество, которое у него пока было, ему не хотелось. Не так-то просто принять правильное решение.

Курчавый мальчик был очень худым – кожа да кости. Харка отпустил его горло и спросил:

– Ты сдаешься?

В ответ опять послышался непонятный звук, и тело незнакомца обмякло. Это был знак покорности победителю. А может, хитрость? Харка, который успел убедиться, что враг безоружен, решил рискнуть. Крепко сжимая в руке обоюдоострый нож, он вскочил на ноги.

– Повернись и сядь! – приказал он.

Видя, что тот не шевелится, он взял нож в зубы, сорвал с себя пустые ножны на ремне и проворно связал руки пленника на спине. Тот даже не пытался сопротивляться. Харку это разозлило: он хотел быть победителем храброго врага, а не безвольной тряпки. Легким презрительным пинком он выразил пленнику свое отношение к нему. Затем подал сигнал часо-

вым трехкратным тьявканьем койота. Он очень искусно подражал этим степным хищникам. Так искусно, что оставшиеся в лагере собаки тотчас же откликнулись заливистым лаем. В тишине прерии каждый звук был далеко слышен. Харка ждал. Он рассчитывал на то, что кто-нибудь из часовых перейдет реку, чтобы узнать, в чем дело.

Он не ошибся. Перед ним вдруг как из-под земли вырос Старая Антилопа. Харка кратко сообщил ему о случившемся.

Старая Антилопа осмотрел связанного мальчика. Он, очевидно, тоже был удивлен. Подумав с полминуты, он взвалил пленника на плечи и, пригнувшись, бесшумно, широкими шагами устремился к лагерю. Харка последовал за ним. Достигнув реки, они, будучи уже под защитой стрел часовых, пошли медленней, а затем спокойно перешли на свой берег.

Там их уже ждал Маттотаупа с несколькими воинами. Они проводили их в вигвам вождя и вошли внутрь. Унчида, Шешока и Шонка не спали. Шешока раздула огонь в очаге. Антилопа снял с плеч свою ношу и положил у очага так, чтобы огонь освещал лицо пленника. Тот лежал с открытыми глазами и неподвижным серьезным взглядом смотрел на воинов. У него были черные глаза и темная кожа.

Маттотаупа подошел к нему:

– Кто ты?

Мальчик ответил, но слов его никто не понял.

– Кожу и краску! – сказал вождь Унчиде, и, когда та исполнила его приказание, он развязал руки пленнику и посадил его.

Присев рядом с ним на корточки, Маттотаупа показал, как рисовать краской на коже. Мальчик посмотрел на него и с готовностью воспользовался возможностью рассказать о себе. Вождь внимательно следил за тем, что чужой ребенок изображал на коже, и Харка, хорошо знавший отца, прочел на его лице удовлетворение. Чернокожий курчавый мальчик в ветхой одежде, очевидно, был особенно умен и ловок, если сумел так быстро добиться расположения вождя. У Харки отлегло от сердца. Может, он все же не зря старался и пленник окажется им полезным.

Прошло два часа, прежде чем мальчик закончил свой рассказ в картинках. Часто он останавливался и задумывался, подбирая наиболее точные и лаконичные образы.

Маттотаупа, по-видимому, еще задолго до конца его «рассказа» понял, что означают все эти изображения. Он протянул изрисованные полоски кожи Хавандшите, который долго изучал их, прежде чем передать Солнечному Дождю. Тот тоже внимательно рассмотрел рисунки и наконец вернул их Маттотаупе.

Харка сгорал от любопытства.

– Маттотаупа будет говорить первым, – сказал шаман.

– Хау, – откликнулся вождь. – «Говорящая кожа» многое поведала мне. Отца этого мальчика, которого взял в плен мой сын Харка, силой увезли из далекой страны, лежащей по ту сторону Большой Воды, и заставили работать на белых людей. Они часто били его. Верно?

Хавандшита и Солнечный Дождь кивнули в знак согласия. Харка презрительно скривил губы. Ему было непонятно, как мужчина может позволить кому-то бить себя.

– Белые люди на нашей земле разделились на два племени – северное и южное, – продолжал Маттотаупа. – Они вырыли топор войны и жестоко бьются друг с другом уже несколько больших солнц. Южное племя плетью заставляет работать на себя черных мужчин, женщин и детей, привезенных из-за Большой Воды. Северное племя хочет положить этому конец.

– Значит, люди северного племени – справедливые люди? – произнес Солнечный Дождь.

Маттотаупа задумчиво покачал головой:

– Это мне пока непонятно. У северного племени есть тайна, которая меня тревожит. Они хотят проложить тропу через прерии, южнее Конского ручья, где мы собирались установить свои вигвамы, и выпустить на эту тропу загадочное чудовище.

– Говорящая кожа и мне сказала об этом. Может быть, чудовище уже вышло на тропу и съело наших бизонов?

Маттотаупа еще раз посмотрел на рисунки:

– Чудовище не съело бизонов. Но оно их убило. И часть мяса убитых им бизонов досталась пауни.

После этого вывода, подсказанного вождю «говорящей кожей», мужчины долго молчали. Если северное племя белых людей может посылать чудовищ, убивающих целые стада бизонов, то это сулит обитателям прерий страшные, почти непостижимые несчастья.

Наконец голос Маттотаупы вырвал всех присутствовавших в вигваме из мрачного оцепенения:

– Воины Сыновей Большой Медведицы знают, что им делать. Мы отнимем у пауни мясо. Мы напряжем наши луки, и наши стрелы умертвят чудовище северного племени. Я все сказал. Хау!

Страх слушавших вождя перешел в глухое волнение. Предстоявшая битва не радовала их. Одно дело – осенью, в солнечные дни, после удачной Большой Охоты, когда воины сыты и жаждут испытать свои силы и доказать свое превосходство старым врагам; в такие моменты они только и ждали, чтобы шаман и вождь военного времени объявили о начале какого-нибудь дерзкого похода. Другое дело – сейчас, когда воины ослабели от голода, ряды их заметно поредели, а у врага трехкратное преимущество. Чудовище северного племени белых людей было окутано тайной и потому внушало страх. Да и неизвестно было, можно ли его вообще поразить стрелами. И все же что-то надо было предпринять.

Солнечный Дождь и Хавандшита высказались за то, чтобы утром созвать Большой Совет.

– Завтра мы раскурим трубку Большого Совета, – сказал Маттотаупа. – Теперь же, когда вы узнали самое важное, я хочу сообщить вам кое-что менее важное, что рассказала мне «говорящая кожа». Отец этого мальчика работал у белых людей южного племени. Он бежал от них со своим сыном, но так как ему не удалось добраться до северного племени, он отправился в прерию. Тут его опять взяли в плен белые люди, которые прокладывают тропу для чудовища. Они принадлежат к северному племени, но, живя далеко в прерии, могут делать что хотят. Они заставили его обслуживать их, как женщина обслуживает воина. Поэтому он снова бежал вместе с сыном, но белые люди заметили это и стреляли в него из мацавакена.

Харка вздрогнул. Мацавакен! Это слово ударило в него словно молния.

– Белые люди ранили отца этого мальчика, но он смог идти дальше, – продолжал Маттотаупа. – Он стал искать защиту у краснокожих и попал в руки пауни. Пауни – друзья белых людей, строящих тропу для чудовища. Они в третий раз пленили отца мальчика. Теперь он лежит связанный у них в лагере, и пауни хотят выменять за него у белых людей еще больше мяса. Мальчик ночью прокрался к отцу. Тот велел ему бежать к нам и все рассказать. Вот что поведала мне говорящая кожа.

– Верно, – сказал Хавандшита.

– Верно, – сказал Солнечный Дождь.

– Мы должны освободить отца мальчика, – заявил Маттотаупа. – Об этом мы тоже будем говорить на совете.

Хавандшита и Солнечный Дождь согласились с ним и, так как все важное уже было сказано, покинули вигвам.

Маттотаупа велел Унчиде и Шешоке накормить курчавого, едва живого от голода мальчика последними скудными остатками еды, и когда тот поел, Харка взял его за руку, отвел к своему ложу и улегся вместе с ним на шкуры, чтобы согреть его своим теплом. Гордый тем, что добыл храброго и умного пленника, Харка решил научить его языку дакота и потом принять в отряд Молодых Собак.

Последней его мыслью, прежде чем он уснул, была мысль о том, что у белых людей северного племени, строящих тропу для убивающего бизонов чудовища, есть мацавакен! Да, у них есть мацавакен!

Потом он уснул. Но в эту ночь его одолевали сновидения. Ему то и дело являлись во сне страшное чудовище и люди с мацавакеном, строившие для него в прерии тропу, похожую на бизонью, голую и твердую, как камень, которую каждый год протаптывали тысячи и тысячи копыт. Других троп Харка еще не знал. И его мучил во сне вопрос, зачем чудовищу нужна была своя собственная тропа на этих лугах, по которым в любом направлении без труда могли скакать мустанги. Ему снилось, что его спрашивал об этом шаман исполинского роста и что он должен был умереть, если не сможет ответить на этот вопрос.

В конце концов он проснулся в холодном поту.

Чужой мальчик рядом с ним тоже открыл глаза. Они не могли говорить друг с другом и поэтому просто крепче обнялись и вскоре опять погрузились в благотворный, освежающий сон.

Как только забрезжил рассвет, мальчики проснулись и побежали к реке. Там уже собралось около дюжины Молодых Собак, а вскоре после прихода Харки и его нового товарища весь отряд в количестве тридцати одного человека был в сборе. Это были самые ловкие, сильные и умные мальчики в возрасте от девяти до двенадцати лет. Харпстенну, например, приняли в отряд за его меткость.

Харка представил нового товарища:

– Это Черная Кожа Курчавые Волосы. Он мой брат и живет в моем вигваме. Охотничьи угодыя его племени очень далеко отсюда, по ту сторону Большой Воды. Бледнолицые разбойники и Длинные Ножи взяли в плен его отца, и теперь тот связанный сидит в лагере пауни.

Молодые Собаки криками выразили свое презрение к пауни, вступившим в союз с бледнолицыми разбойниками.

– Но Черная Кожа Курчавые Волосы – храбрец, – продолжал Харка. – Он убежал от пауни и рассказал нам о своем отце. Сыновья Большой Медведицы освободят отца Черной Кожи.

– Хау! Хау! Хау! – закричали мальчики.

– Курчавые Волосы умет плавать? – спросил затем один из них.

– Конечно! – ответил за него Харка, хотя и не знал этого.

Ему было трудно представить себе, чтобы мальчик не умел плавать. Он жестом предложил ему следовать за ним и, прыгнув в воду, поплыл против течения размашистыми саженками. Курчавые Волосы прыгнул в реку и поплыл вслед за ним. Но он двигался в воде совсем не так, как Харка. Таких движений они еще не видели и с удивлением смотрели на него.

– Как лягушка! Он плавает как лягушка!

– Смотрите, как он быстро плывет!

– Давайте тоже так попробуем!

Мальчики долго забавлялись тем, что пытались освоить новый способ плавания. Сначала у них ничего не получалось. Одни, наглотавшись воды, фыркали и смеялись, другие нарочно дурачились, изображая тонущую лягушку. Всем было весело.

Харка доплыл до отмели, встал на дно и наблюдал за Курчавыми Волосами. Тот, тоже добравшись до отмели, подошел к нему, ступая по дну. Харка жестами предложил ему научиться плавать, как он, а сам изъявил готовность попробовать плавать по-лягушачьи. После нескольких неудачных попыток дело у них пошло на лад.

Продрогнув, дети вылезли из воды, растерлись медвежьим жиром и поспешили к вигвамам. Харка опять взял Курчавые Волосы с собой. Тот явно был рад новой дружбе с Харкой и Молодыми Собаками. Он вдруг в первый раз улыбнулся. И какая это была очаровательная улыбка! Черные глаза его сияли. Они были больше, чем глаза детей дакота, на что Харка сразу

обратил внимание. Чернокожий мальчик не родился и не жил в прерии, где люди вынуждены были шуриться, чтобы защитить глаза от песка и ослепительного солнца.

На завтрак Унчида дала детям сушеных ягод. Харка гордо отказался от своей доли: он, как взрослые мужчины, решил есть только вечером. Надевая кожаные штаны, которые прикрепились к поясу, Харка посмотрел на Курчавые Волосы. Тот тоже взялся за свою ветхую одежку. Харка подошел к нему и с удивлением пощупал ткань, из которой были сшиты его короткие штаны и рубаха: он еще никогда не видел тканой одежды.

Шонка бросил презрительный взгляд на убогую одежду чужака. Харка перехватил этот взгляд и на миг остолбенел. Потом подошел к Унчиде, и та, без слов поняв его намерение, дала ему его праздничную одежду: расшитые мокасины, кожаные штаны и куртку. Он протянул их своему новому другу. Курчавые Волосы с недоумением смотрел на него. Харка отложил в сторону одежду, раздел его и снова протянул ему подарок, показав жестом, что он должен все это надеть. Тот наконец понял, выполнил его просьбу и стал с удивлением себя разглядывать. В новом наряде он, несмотря на худобу, выглядел более внушительно. Он был почти одного роста с Харкой и примерно того же возраста. Потом он что-то произнес, чего Харка не понял, но лицо черного мальчика выражало такое счастье и такую горячую благодарность, что Харка и сам почувствовал себя на седьмом небе.

Шонка тем временем вышел из вигвама. Шешока проводила сына печальным взглядом.

Харка опять повел своего нового друга к реке, где снова собрались и Молодые Собаки. Но Харке сейчас было не до купания. Он увлек товарищей на песчаный берег, подальше от воды. Больше всего его сейчас занимал вопрос, как Сыновья Большой Медведицы могут вызволить из беды отца Черной Кожи. Мужчины будут обсуждать это сегодня на совете, который, возможно, продлится не один час, так что у Молодых Собак есть время и самим подумать об этом.

Харка объявил обступившим его мальчикам, что они сейчас займутся разработкой плана по освобождению отца Черной Кожи, как это будут делать воины на совете, и Молодые Собаки выразили свое охотное согласие. Им надо самим поскорее расспросить обо всем чернокожего мальчика, прежде чем его позовут на совет с той же целью.

– Мы будем говорить с ним рисунками, – заявил Харка. – На сыром песке легко рисовать, и можно тут же стереть картинку, которая уже не нужна.

Харка срезал и заострил веточку, нарисовал на песке несколько вигвамов, человека с голым черепом и клоком волос на затылке, имея в виду пауни, затем еще одного человека с курчавыми волосами и связанными руками. Вопросительно глядя на Курчавые Волосы, он указал веточкой на рисунок.

Тот понял. Взяв веточку, он стер штрихи, изображающие связанные руки, нарисовал вместо этого связанные ноги, которые могут делать маленькие шаги, немного по-другому расположил вигвамы и пунктиром указал Харке, в котором из них находится пленный. Кроме того, он обозначил на рисунке места вокруг лагеря, где были выставлены часовые пауни. Это было особенно важное сведение для Сыновей Большой Медведицы!

Мальчики так увлеченно рисовали, что не заметили, как подошли несколько воинов, а затем и сам вождь. Увидев его, они смущенно отступили назад.

Матготаупа уже приготовился к предстоящему совету. Он был в богато расшитой накидке, с убором из орлиных перьев на голове, ниспадавшим на плечи и спину длинным шлейфом. Вождь улыбнулся:

– Теперь мы знаем, где находится отец нашего маленького черного брата. Как нам освободить его? Как стал бы действовать Харка Ночное Око Твердый Камень, Убивший Волка?

Лицо Харки залила краска. Ответить на этот вопрос было нелегко: ведь его слушали не только друзья, но и воины, и ему очень не хотелось сказать какую-нибудь глупость, а потом выслушивать упреки и насмешки. Он задумался. Потом попросил Черную Кожу показать путь,

которым он бежал к ним. Часовые, похоже, не обратили на ребенка особого внимания. С запада число дозорных на подходах к лагерю тоже было невелико.

– Мы освободим отца моего черного брата не силой, а хитростью – незаметно, – сказал наконец Харка.

– Харка думает, что Сыновья Большой Медведицы боятся еще раз встретиться с пауни в открытом бою?

– Нет! – не смутившись, ответил Харка. – Но прежде, чем мы начнем битву, нам нужно как можно больше узнать о врагах, а отец Черной Кожы должен быть освобожден до начала битвы, иначе пауни успеют убить пленника. Мы не можем этого допустить. Поэтому я предлагаю хитрость.

– Хорошо. – Вождь остался доволен его словами. – Какую же хитрость ты предлагаешь? Харка искусно уклонился от ответа.

– Единственный, кто хорошо знает лагерь пауни, – это мой брат Черная Кожа. Пусть он говорит первым и даст нам совет, как незаметно освободить его отца.

Матготаупа рассмеялся:

– Ты передаешь мой вопрос дальше? Пусть говорит Черная Кожа Курчавые Волосы!

Дать понять чернокожему мальчику смысл вопроса было нетрудно. Харка подозвал двух товарищей: один должен был изображать раненого пленника, другой – пауни.

Черная Кожа сразу понял, чего от него ждут. Он задумчиво покачал головой.

– Говори! – сказал Харка.

Черная Кожа нарисовал своего отца и рядом с ним крест. Крест означал «обмен», этот символ был знаком и дакота.

– Обменять, – произнес Харка. – Но на что? Мяса у нас нет...

Черная Кожа Курчавые Волосы, казалось, был смущен и растерян. Он то и дело смотрел на Харку, словно пытаясь внушить ему какую-то мысль, которую не мог выразить.

– Что ты на меня смотришь? – воскликнул тот. – Чтобы освободить твоего отца, я готов отдать все, что у меня есть. Но у меня ничего нет.

Он показал свои ладони.

Черная Кожа Курчавые Волосы, судя по всему, понял этот жест. Он, все еще смущаясь, подошел к Харке, сунул руку в маленькую сумку, висевшую у того на поясе, и достал камешек, который Харка утром, одеваясь, повертел в руках, – золотисто-желтый камешек, найденный им в речке у Черных холмов. Затем нарисовал его рядом с крестом, поднял вверх, держа двумя пальцами, и снова принялся рисовать. Получалось, что камешек от пауни отправится дальше, на юг, к тропе чудовища, и там пауни получают за него мясо. Значит, камешек этот имел в глазах пауни такую ценность, что они готовы были отдать за него пленного.

Харка, внимательно следивший за «разъяснениями» Черной Кожы, вдруг заметил, как изменилось лицо его отца. Вождь нахмурил брови и весь напрягся. Потом вдруг вырвал камень из рук чернокожего мальчика и швырнул его в реку.

– Прочь! Прочь! Долой этот камень! – крикнул он, уже не владея собой. – Это злой камень! Камень злых духов! Это он привел белых людей и их чудовище на нашу землю. Пусть его поглотит вода! Пусть он навсегда исчезнет! Я все сказал. Хау!

Все пришли в ужас.

– Откуда у тебя этот камень? – спросил Матготаупа Харку и, не дав ему даже ответить, приказал: – Сейчас же ступай за мной в вигвам!

Харка покорно исполнил его приказание. Уходя, он успел бросить взгляд на своего чернокожего брата. Черная Кожа Курчавые Волосы побелел, губы его подрагивали, словно он вот-вот заплачет. Но в тот же миг выражение лица его изменилось: в его черных глазах вспыхнула ненависть.

Харка охотно взял бы мальчика с собой; Черная Кожа Курчавые Волосы был не виноват в том, что злополучный камень оказался в лагере, и все скоро выяснится. Но у него не было времени объясняться с Черной Кожей: ему нужно было спешить за отцом, который стремительно шел к своему вигваму.

На глазах у изумленных Сыновей Большой Медведицы Маттотаупа привел сына в вигвам и велел женщинам и детям выйти.

Харка остался наедине с отцом. Стараясь побороть волнение, Маттотаупа сел к очагу и позвал сына, остановившегося у входа. Он не сразу заговорил, а сначала раскурил трубку. Харка с нетерпением ждал объяснения случившегося.

– Харка Ночное Око Твердый Камень, Убивший Волка, – наконец произнес Маттотаупа, – где ты нашел этот камень? Или кто дал его тебе?

Харка коротко, с пересохшим горлом, рассказал, как случайно нашел желтый камень и взял с собой, потому что он ему понравился. Маттотаупа неотрывно смотрел на пепел очага.

– Белые люди никогда не должны узнать об этой находке! – произнес он почти угрожающе. – Никогда! Ты слышишь меня, Харка? Понял ли ты мои слова?

– Я понял, отец. Никогда.

– То, что ты нашел, белые люди называют золотом, и это золото им очень нужно. Чтобы добыть его, они готовы всех нас убить и завладеть нашими землями. Они пока еще не знают, где его можно найти, но я боюсь, что они уже ищут его. Наши языки должны молчать, когда речь идет о золоте. Ты понимаешь это?

– Да, отец.

– Ты будешь молчать, даже если они станут жечь тебя огнем и вырвут из груди твое сердце и сдерут с тебя кожу?

– Я буду молчать, отец. Я научусь переносить любую боль. Хау.

– Хорошо. Я знаю, что ты станешь храбрым воином. Поэтому я хочу доверить тебе тайну, которой еще никому не открывал. Знаешь, зачем я позвал тебя ночью в лес, когда мы должны были покинуть Черные холмы?

– Не знаю, отец, но теперь догадываюсь.

– Сейчас ты узнаешь это. Это знал мой отец, отец моего отца и его отец. Я слышал это из их уст, они открыли мне тайну. Теперь пришел твой черед, ибо ты – мой старший сын. В пещере, в которой мы с тобой были, в укромном месте есть золото. Когда зимой, после Большой Охоты, мы вернемся в наши леса, я покажу тебе это место. Но ты будешь молчать, пока у тебя не вырастет сын, которому ты сможешь передать эту тайну.

– Я буду молчать, отец.

– Хау.

– Хау.

Маттотаупа тяжело вздохнул:

– Мы освободим отца Черной Кожи, я дал слово. Но не с помощью этого золота. Ты понимаешь меня?

– Я понимаю.

– Хорошо. Тогда позови Черную Кожу.

Харка вскочил и, выбежав из вигвама, со всех ног бросился к реке. У него было смутное предчувствие, что за это время произошло несчастье. Люди, попадавшие ему на пути, – женщины, дети и даже несколько воинов – казались спокойными, но это еще ничего не значило, ведь дакота умели скрывать свои чувства.

На берегу Черной Кожи не оказалось. Харка спросил о нем Молодых Собак, без дела стоявших вокруг, но те ничего не знали о чужаке. По их словам, они, забыв про него, обсуждали историю с загадочным камнем. Харка обошел весь лагерь в поисках своего нового друга. Он искал его повсюду – у табуна, у стаи собак, – спрашивал о нем Четана и даже Шонку. Никто

ничего не знал. Харка дошел до ближайших дозорных. Те, мрачно выслушав его, стали еще внимательней вглядываться в окрестности.

Черная Кожа словно сквозь землю провалился. Но Харка продолжал поиски. Он еще раз наведился к Четану, но тот, услышав те же вопросы, так разозлился, что у Харки шевельнулось подозрение: может, все что-то знали и скрывали от него? Даже Четан?

С тяжелым сердцем пошел он назад, к отцу, чтобы сообщить ему об исчезновении чужака. Но вождю было уже не до него: посреди лагеря начался совет. Воины в праздничных одеждах сели в круг, в торжественном молчании раскурили священную трубку и начали обмениваться речами. Женщины и дети держались на почтительном расстоянии.

Харка тоже последовал их примеру.

Но его мучила тревога. Он не мог забыть вытянувшееся лицо чужака и вспышку ненависти в его глазах. Что мог подумать Черная Кожа, не понимавший языка дакота, когда Мат-тотаупа в ярости швырнул золотой камень в реку. Наверное, он решил, что вождь передумал освобождать его отца. Что же он затеял? Куда побегал в своем смятении и отчаянии? Что намерен был делать?

Харку охватил страх, становившийся все сильнее: что, если Черная Кожа Курчавые Волосы вернется к своему отцу и к пауни и расскажет им о золоте, увиденном в лагере дакота? «Белые люди никогда не должны узнать об этой находке!» – вспомнил он слова отца.

Харка опять отправился на песчаный берег, где началась эта ужасная история. Если хочешь найти след, нужно начинать поиск с того места, где он был виден в самый последний момент, то есть именно с берега. Вот здесь стоял Черная Кожа, когда Харка видел его в последний раз. Отпечатки ног мальчика еще были заметны на сыром песке. Харка долго разглядывал их, потом еще раз осмотрелся.

Но на траве и песке вокруг было столько детских следов, что Харка никак не мог определить, куда пошел Курчавые Волосы. Может, к броду? Харка внимательно, метр за метром, изучил берег. Главное для следопыта – терпение.

Вдруг рядом с ним кто-то остановился. Харка был настолько погружен в свои поиски, что даже вздрогнул от неожиданности. Подняв голову, он увидел Уинону.

– Чего тебе надо? – сердито спросил он. – Ты затопчешь мне все следы!

– Тебе незачем их искать, – тихо ответила Уинона, и его поразило то выражение гордости, с которым она произнесла эти слова.

Уинона была младше Харки, но девочки взрослеют раньше мальчиков. Ее истонченное голодом лицо приобрело новую, еще незнакомую ему черту – достоинство маленькой женщины. Он молча и как бы пристыженно смотрел на сестру.

– Харка, я могу сказать тебе, где искать Черную Кожу.

Уинона опять сделал паузу.

– Ты одна можешь мне сказать это?

– Я одна хочу сказать тебе это.

– Так говори! – произнес он, не глядя на нее.

Он был слишком взволнован и не хотел показать этого.

– Я скажу тебе это, хотя все молчат, как велел Хавандшита.

– Как велел Хавандшита?.. – воскликнул Харка чуть дрогнувшим голосом, в то время как Уинона выглядела совершенно спокойной.

– Знай же, Харка: когда отец увел тебя в вигвам и все смотрели вам вслед, Черная Кожа вдруг прыгнул в реку. Это заметили только я и Хавандшита. Мальчик нырнул, а когда вынырнул, Хавандшита помахал ему своим шаманским посохом, чтобы он вылез из воды и подошел к нему. Мальчик очень испугался шамана. Он приплыл к берегу и подошел к Хавандшите. В руке у него был тот самый золотистый камешек. Я видела это, хотя он старался, чтобы никто этого не заметил.

Харка нахмурил брови и уставился на сестру:

– Как это может быть? Такая широкая река и такой маленький камешек – как он мог найти его на дне?

– Харка, это наколдовали Хавандшита и его духи – иначе я не могу это объяснить.

– А что было потом?

– Потом Хавандшита взял камень себе. Ты ведь слышал из уст отца, что это злой камень. И вот теперь он у шамана в Священном Вигваме.

– Уиона, что с Черной Кожей? Где он?

– Хавандшита и его взял с собой в вигвам. Больше я ничего не знаю. Может, он решил сделать его своим помощником, а может – принести в жертву.

Харка молчал. Ему стало не по себе от сообщения сестры. Вот, значит, какую зловещую историю скрыл от него Четан! Что затевает Хавандшита? Зачем ему понадобились Черная Кожа и золотой камень? Почему он приказал всем молчать? Не случится ли с Уионой какое-нибудь несчастье из-за того, что она нарушила этот запрет? Харка решил никому не говорить о том, что сестра доверяет ему больше, чем шаману. Даже отцу, раз Уиона сама не сделала этого. Даже отцу?.. От этой мысли по спине у него пробежал неприятный холодок. Золотой камень, похоже, и в самом деле приносит несчастья.

Харка посмотрел на вигвам шамана. На шесте перед входом висел среди шкур мацавакен. Что же происходило сейчас внутри этого вигвама? Из-за тяжелых бизоньих шкур не доносилось ни звука.

День клонился к вечеру. Солнце закатилось за горизонт и окрасило своим золотисто-багровым сиянием реку, воды которой вновь стали прозрачными, и луга, за последние дни покрывшиеся сочной зеленой травой и уже пестревшие первыми цветами. Прерия незаметно превратилась в роскошное пастбище. Мустанги, насытившись свежей травой, зябко жались друг к другу на прохладном ветру, а дрозды пели над ними свои вечерние песни. С востока быстро надвигалась ночь.

Проходивший на площади посреди лагеря Большой Совет близился к концу. Матготаупа произнес заключительные слова, и мужчины встали.

Хавандшита не принимал участия в совете. Это было необычное явление, и отсутствие шамана смутило воинов. Старик находился в своем вигваме, из которого теперь доносились то глухие, то пронзительные звуки, приглушенные тяжелыми шкурами и оттого казавшиеся еще более загадочными и зловещими. Хавандшита говорил с духами.

Воины, закончившие совет, в нерешительности стояли вместе с вождем на площади посреди вигвамов. Без одобрения шамана они не решались предпринять какие бы то ни было серьезные шаги. Они словно ждали, что Хавандшита закончит разговор с духами и выслушает их.

Солнце исчезло за Скалистыми горами, зажглись первые звезды. Вошла луна, заливая прерию матовым, неопределенным светом. Вдали завывали волки, им ответила лаем собака. Мустанги нервно подрагивали.

Вигвамы погрузились во тьму, все очаги были тщательно присыпаны пеплом.

Наконец Хавандшита вышел из Священного Вигвама. Матготаупа посмотрел на него и, так как шаман, судя по всему, тоже желал встречи с ним, пошел ему навстречу, медленно, с достоинством, в своем гордом уборе – с короной и длинным шлейфом из орлиных перьев, добыть которые было очень нелегко. Много охотничьей доблести и отваги потребовалось от вождя, прежде чем он смог украсить себя такими знаками достоинства. Харка восхищенным взглядом проводил отца, величественный силуэт которого отчетливо выделялся на фоне звездного неба, и внимательно смотрел на встречу двух самых важных и влиятельных мужей племени. Они беседовали долго. Судя по позе и жестам шамана, тот не сразу согласился с решением совета. Матготаупа же отстаивал правоту воинов. Наконец шаман и вождь военного

времени как будто пришли к общему мнению. Разговор закончился. Кто из них кому уступил, Харка не мог знать. Он увидел лишь, что отец подозвал к себе Солнечного Дождя, Старую Антилопу и еще трех уважаемых воинов, в том числе и собственного брата. Они опять что-то долго обсуждали. Наконец Старая Антилопа, который обычно выступал в роли глашатая, вышел из круга и объявил, что всем воинам надлежит снова собраться. Харка решил не привлекать к себе внимания. Другие мальчики уже разошлись по домам, и он тоже направился в отцовский типи-вигвам. Ужин в этот вечер был особенно скудным. Харка подавил в себе приступ зверского голода и отдал часть своей порции брату. В раннем детстве Харпстенна очень сильно болел и с тех пор отличался слабым здоровьем. Харка испытывал по отношению к младшему брату нечто среднее между жалостью и презрением. Он всегда заботился о нем и учил его всему, что нужно знать и уметь Молодой Собаке, но его сердило, когда Харпстенна уступал другим мальчикам в ловкости и силе, в беге и метании камней. Правда, в меткости ему было не отказать.

Пока Харпстенна ел пожертвованные старшим братом ягоды и коренья, Харка думал о том, что ему надо больше заботиться о брате, чтобы тот не попал под влияние Шонки.

А Шонки в вигваме не было.

Харка прислушивался к звукам, доносившимся снаружи. Поскольку Сыновья Большой Медведицы теперь постоянно должны были быть готовы мгновенно разобрать вигвамы и двинуться дальше, женщины не стали устанавливать большой вигвам для совещаний – совет проходил под открытым небом. Время от времени Харке удавалось расслышать несколько слов. И то, что он услышал, очень встревожило его.

За два часа до полуночи совет закончился, решение было принято, освящено курением Священной Трубки и тем самым стало обязательным для всех. Мужчины разошлись. Маттотаупа тоже вернулся к себе. Старая Антилопа огласил решение совета: женщины должны немедленно разобрать вигвамы. Сыновья Большой Медведицы ночью отправляются вверх по реке, чтобы избежать столкновения с пауни. В лагере остается только шаман. Хавандшита «по велению духов» станет один заклинать бизоньи стада и чудовище северного племени белых людей. Ему ничего не нужно, кроме собственного вигвама, пяти мустангов, закрепленных за Священным Вигвамом, и помощника – Шонки.

Старая Антилопа дважды повторил объявление, и ни у кого не осталось сомнений в том, что это – горькая правда.

Индейцы без лишних слов принялись выполнять решение совета. Харка, у которого было не много дел, пошел к табуну за своим Пегим и за мустангом отца. Он постарался избежать встречи с Четаном, чтобы не задавать старшему другу вопросов, на которые тот не смел отвечать. Но мозг мальчика непрестанно сверлила одна и та же мысль: что стало с Черной Кожей?

Затрепетал на ветру отвязанный полог вигвама вождя – сигнал для начала сборов, и вскоре все жилища были разобраны, волокуши прикреплены к тягловым лошадям – привычная картина кочевой жизни индейцев, предшествующая началу очередного перехода.

Харка верхом подъехал к берегу и остановился у того места, где так внезапно оборвалась его оживленная беседа в картинках с Черной Кожей. Молодые Собаки знали, что им делать перед началом похода, и Харке незачем было ими руководить. Он неотрывно смотрел на Священный Вигвам и на шест перед ним, на котором среди шкур висел мацавакен. Потом увидел Шонку, зачем-то вышедшего из вигвама и вновь исчезнувшего за пологом. Быть помощником шамана считалось большой честью. Решил ли Хавандшита воспитать из Шонки своего преемника или просто оставил его сейчас при себе как помощника, никто не знал. Но Харка чувствовал, что Сыновья Большой Медведицы удивлены и восхищены поступком старого шамана, который отважился остаться один с подростком в дикой прерии, рискуя стать жертвой врагов и страшного чудовища. Это было неслыханное доселе предприятие.

Четан сам подошел к Харке.

– Много странного происходит у нас, – произнес он. – Старики говорят, что нас преследуют злые духи пещеры в Черных холмах.

– Хавандшита сам хочет совершить великое чудо, – сухо ответил Харка, все еще державший обиду на друга.

– Да, так он сказал. Он хочет совершить великое чудо. Послать нам антилоп и бизонов, чтобы после Великой Охоты мы могли начать Танец Радости на берегу Конского ручья, куда доберемся, не повстречав ни одного пауни.

– Это и в самом деле было бы чудом, – ответил Харка. – И если Хавандшите удастся совершить его, он станет великим шаманом.

Четан вопросительно посмотрел на друга, удивленный его двусмысленным тоном, но Харка не желал продолжать разговор и развернул мустанга. Колонна уже выстроилась, ее возглавили Маттотаупа и Солнечный Дождь, раны которого понемногу заживали. Харка занял свое место рядом с Унчидой и Уиноной. Он так и не оглянулся на Четана.

Великое чудо

Сыновья Большой Медведицы всю ночь без отдыха шли вверх по течению вдоль северного берега Северного Платта. Берег становился все выше; где-то внизу река катила свои темные воды, в них отражались луна и звезды. Ночное небо уже подернулось дымкой, а на молодой траве отчетливо, как на бумаге, видны были любые следы. Цепь Скалистых гор на горизонте потускнела: вершины их, уже лишившиеся своих снежных шапок, черным зигзагом врезались в небо; лишь кое-где между ними еще одиноко мерцали ледники. Лошади, хорошо отдохнувшие и досыта наевшиеся травы, шли бодро. Голодные, исхудавшие всадники напряженно всматривались в темноту, вслушивались в тьяквань койотов, на которое отвечали сердитым рычанием собаки, боялись прозевать сигналы дозорных. Но те пока молчали. Прерия была объята бездонной тишиной, которую Харка с раннего детства воспринимал как родную стихию и в которой чуткое, натренированное ухо улавливало любой, даже самый невнятный звук.

Дети в волокушах уже уснули и лишь изредка вздрагивали, когда лошадиные хвосты задевали их лица. Малыши в кожаных мешках за спинами матерей тоже крепко спали. Подростки, юноши и девушки сонно покачивались на лошадях в небрежной позе всадников, учившихся верховой езде с четырех лет и почти так же свободно владеющих навыками управления лошадью, как и навыками ходьбы. Маттотаупа и Солнечный Дождь, возглавлявшие колонну, двигались уверенно и быстро. Наконечники их копий резко выделялись на фоне неба. Лошади тихо ступали по мягкой траве неподкованными копытами.

Лихорадочное возбуждение Харки постепенно улеглось. Его сменили волны тревоги, время от времени заполнявшие грудь. Теперь у него было достаточно времени, чтобы спокойно, без помех обо всем подумать, не отвлекаясь на разные мелочи. Великая тишина, стоявшая вокруг, казалось, проникла и в его душу и настроила ее на иной, спокойный лад.

Шаман Хавандшита пообещал великое чудо, безопасность от врагов и удачную охоту. Харка еще ни разу не поймал старика на лжи. Иногда духи, с которыми тот говорил, оказывались недостаточно могущественными, и потому, например, Белый Бизон умер от непонятной болезни, так и не дождавшись помощи шамана. Но тяжелые раны Солнечного Дождя быстро заживали, да и ножевая рана на ноге Маттотаупы уже затянулась. Кроме того, Хавандшита хорошо знал прерии и леса и быстро нашел брод для переправы через реку. Он был старым и мудрым и снискал уважение и почет. Харка заглушил в себе голос сомнений и решил, набравшись терпения, ждать, свершится ли великое чудо. Маттотаупа, Солнечный Дождь, все заслуженные воины одобрили намерение Хавандшиты, и ему, мальчику, не пристало подвергать сомнению решение Совета Старейшин.

Однако эти мысли оставались на поверхности его сознания, на дне же души Харки по-прежнему гнездились сомнения, и, в сущности, он уже знал, что с той ночи, когда отец водил его в пещеру, все стало иначе.

С тех пор произошло столько всего, чего Харка не мог понять, и авторитет старого шамана и даже его собственного отца уже не был в его глазах таким незыблемым, как несколько недель назад. Мальчик чувствовал, что прощается с чем-то, но еще не знал, что от него уходит

детство и вместе с ним – непоколебимость его детских представлений и что все эти бурные события на его родной земле стали для него своего рода рыболовным крючком, на который он попался и с которого ему уже не сорваться. Он не осознавал этого, но в памяти его навсегда запечатлелись слова отца о злой колдовской силе камня, оставшегося в руках Хавандшиты. Харка никогда не забудет их, как не забудет ту ночь в пещере и жуткое происшествие у подземного водопада. Что стало с тем человеком, который чуть не утащил их тогда с собой в бездну?

Харка старался загнать эти мысли обратно в тот самый темный угол своего сознания, откуда они вылезли против его воли. Он твердо решил спокойно, с достоинством, подобающим индейцу племени дакота, ждать исхода истории с великим чудом.

Ночь близилась к концу. На востоке забрезжил рассвет, взошло солнце и низвергло сверкающий водопад света на зеленые просторы прерии и на реку, просветив ее до самого дна. Харка залюбовался рыбами в прозрачной воде. Но сейчас было не до рыбной ловли. Маттотаупа с восходом солнца приказал сделать короткий привал, чтобы обратиться к духам с утренней молитвой «о пище и мире». Затем изнурительное странствие продолжилось. Младенцы в мешках за спинами матерей вновь уснули. Дети в волокушах потирали щеки, исхлестанные конскими хвостами, но никто не жаловался, потому что никакие жалобы не могли изменить их положение, – это понимали даже малыши.

Путь Сыновей Большой Медведицы теперь пролегал у подножия суровых голых Скалистых гор, открытых южным и северным ветрам. Ранневесенние ночи были здесь, на высокой равнине, еще очень холодными. Тем приятнее показалось индейцам мягкое тепло утреннего солнца. Цветы раскрылись и наполнили воздух благоуханием, проснулись и зажужжали насекомые. Путники, голодные и усталые, являли собой яркую противоположность природе, пышно празднующей свое пробуждение, дышащей силой и свежестью.

До полудня дакота упорно шли вперед. Пауни, судя по всему, не знали, что они покинули лагерь. Когда полуденное солнце стало припекать коричневые спины индейцев, Харка, старавшийся ехать так, чтобы держать в поле зрения обоих вождей, увидел, что впереди происходит что-то необычное. К Маттотаупе и Солнечному Дождю спешил один из дозорных. Вожди остановились и, опершись на копыта, выслушали его сообщение. Харка узнал его: это был Старая Антилопа. Судя по жестам Солнечного Дождя, Антилопа принес какую-то важную и при этом радостную весть.

Маттотаупа повернулся к колонне и жестом потребовал тишины. Кто хотел, мог спешиться и отдохнуть на траве. Многие, прежде всего женщины и дети, охотно воспользовались этой возможностью. Харка же не хотел показать свою усталость. Он остался сидеть на лошади, только отпустил поводья, чтобы та могла пощипать траву. Все Молодые Собаки поступили как их предводитель, и Харка порадовался, увидев это.

Маттотаупа тем временем знаками отдал воинам особые приказы. Каждый из дакота понимал эти приказы. Все сразу оживилось, заулыбались, кое-кто облегченно вздохнул.

Им предстояла охота! Разведчики обнаружили целое стадо антилоп!

Харка изнывал от досады, что ему всего одиннадцать лет. Сейчас бы вместе со взрослыми на охоту! Он смотрел, как воины – с луками за плечами и колчанами на спине, – держа наготове несколько охотничьих стрел, бесшумно подсакивали к вождю и, получив указания, спешили прочь, в волнистые просторы прерии. Антилоп пока не было видно.

Сыновья Большой Медведицы наконец вновь почувствовали связь с родиной предков: им не придется погибать от голода на этих зеленых сочных лугах, звери еще не вымерли, шаман не подвел их: слово духов, услышанное им, начало сбываться!

Харка заметил радость на лице Уиноны, напряженное любопытство в глазах Харпстенны и спокойное ожидание во всем облике Унчиды. Но ему было не до них: он весь был поглощен желанием поскорее увидеть какие-нибудь признаки вожденной охоты: зверей, охотников, свистящие стрелы. Ах, если бы ему позволили ползком добраться до вершины ближайшего

холма и начать наблюдение! Он невольно оглянулся на Четана, которого после этой истории с Черной Кожей еще не удостоил даже взглядом. Тот как раз тоже посмотрел на Харку. Они встретились глазами, и оба потупились от смущения.

Четан, желая оценить обстановку, спрыгнул с коня и махнул рукой Харке, предлагая ему следовать за ним. Тот мгновенно оказался рядом с Четаном и молча последовал примеру старшего друга, который бросился на землю и, вооруженный луком, пополз к ближайшему взгорку неподалеку от берега. Там, в траве, уже лежали несколько его товарищей, юношей из отряда Красных Перьев, которые, как Четан, мечтали проявить себя как воины, чтобы быть принятыми в воинский отряд Красных Оленей. Харка, польщенный и гордый тем, что Четан взял его с собой к Красным Перьям, через минуту уже вместе со всеми скрытно изучал окрестности. Воздух был прозрачным, небо ярко-голубым, и вся прерия сияла каким-то особенным, весенним светом. Каждый клочок земли, каждая травинка были как на ладони. Харка заметил вдали, на западе, на зеленом пологом склоне холма, крохотные темные точки. Это антилопы мирно паслись, не чуя опасности.

Наблюдатели не шевелились. Они лежали неподвижно, как поверженные за землю бронзовые статуи, впившись глазами в стадо антилоп. Все ждали того момента, когда незаметно подкрававшиеся охотники нападут на стадо. Это должно было произойти с минуты на минуту. Юноши не хотели упустить ни одной подробности. Если пасущиеся животные вовремя не почувют опасность, богатая добыча Сыновьям Большой Медведицы обеспечена.

Вот! Харка заметил, как самая ближняя к ним антилопа – судя по всему, вожак – подпрыгнула и рухнула замертво на землю. Стрела, очевидно, попала ей под лопатку, прямо в сердце. Еще не слышно было ни возгласов, ни криков – вообще никаких звуков. Однако многие из крохотных темных точек пришли в движение. Стадо бросилось прочь. Но на земле осталось лежать десятка три антилоп, одновременно пораженных стрелами невидимых лучников. Только теперь послышались ликующие вопли охотников. И по этим крикам и топоту копыт бегущих антилоп Харка понял, что произошло там, вдали. Воины обошли стадо с запада, напали на него и погнали к реке, к колонне. Красные Перья, приподнявшись в траве, натянули свои луки. Харка сделал то же. Антилопы неслись со скоростью ветра. Вот уже метрах в двухстах отчетливо показалась голова первого животного. Четан выстрелил, но было непонятно, попал ли он в цель. Голова исчезла. Юноши все еще старались быть незаметными, чтобы не спугнуть антилоп и подпустить их поближе.

Стадо было уже в ста метрах от них. Харка выстрелил одновременно с Четаном и еще двумя юношами. Одно из животных упало и перевернулось через голову. Другое бросилось в сторону и исчезло из поля зрения юных охотников.

Тем временем некоторые из мужчин, оставшихся с женщинами и детьми, вскочили на лошадей и галопом бросились преследовать разбегающихся в разные стороны антилоп. Стадо рассеялось.

Юноши на пригорке покинули свой наблюдательный пункт и тоже включились в охоту. Харка сбежал вниз и помчался вдоль берега вниз по течению, в ту сторону, откуда двигалась колонна. Ему показалось, что он заметил внизу, у самой воды, антилопу. Других преследователей – ни всадников, ни Красных Перьев – он пока не видел. Окрыленный надеждой самостоятельно загнать и убить антилопу, Харка стремительно бежал вдоль берега, стараясь по возможности оставаться незамеченным. Выскочив на пригорок, он бросился в траву, чтобы еще раз осмотреться. Зверь, за которым он гнался, был почти на том же месте. Это открытие обрадовало и в то же время огорчило Харку. Надежда на добычу укрепилась в нем. Но если антилопа не убегала, значит уже была ранена и ему придется разделить охотничью славу еще с кем-то.

Он на мгновение задумался и решил изменить тактику: пошел медленнее, внимательно следя за тем, чтобы антилопа его не заметила. Добравшись до следующего возвышения на берегу, с которого ему было удобно наблюдать за ней, он затаился и посмотрел на излучину

реки. Там он увидел неожиданную картину: на противоположном берегу стояли три антилопы, в том числе молодой самец. Как гордо он вскинул свои острые рога, каким зорким был его взгляд, как блестяла его гладкая шерсть, как изящны были его стройные ноги! Он казался олицетворением силы и грации. Как он был красив! Возможно, это был новый вожак осиротевшего стада. И тут Харка понял причину, по которой три антилопы не убежали: они ждали четвертую антилопу с телянком. Та, дрожа, стояла рядом со своим детенышем, который никак не решался войти в воду. Река в этом месте была глубокой, а течение быстрым. Харка зарядил лук, но стрелять не торопился.

Антилопы на противоположном берегу, потревоженные чем-то, занервничали. Самец понюхал воздух и через мгновение одним прыжком скрылся в прибрежных кустах, за ним последовали две другие. Осталась только дрожащая от страха самка с детенышем. Она вновь и вновь манила его к воде, облизывала, подталкивала вперед. Но теленок все еще не решался войти в воду.

Легкая добыча для охотника! Однако Харка не стрелял. Ему вдруг вспомнилась древняя легенда, которую как-то раз вечером у очага рассказала своим внукам Унчида, – история Каменного Мальчика. Его тело было твердым как камень, и потому он был неуязвим. Стрелы его не знали промаха. Однажды на лесной поляне он увидел антилопу с телянком и убил ее, ибо он убивал все, что мог поразить из лука. И вот он наконец весь превратился в камень и утонул в болоте – в наказание за безжалостное и бессмысленное убийство зверей, на которое растратил всю свою силу.

Харка все еще медлил. Антилопа отчаянно манила телянка к воде. Где-то неподалеку грянул хор ликующих криков по поводу богатой добычи.

Харка сунул стрелу обратно в колчан, висевший у него через плечо на кожаном ремне, встал и медленно пошел к антилопе с телянком. И тут произошло именно то, чего он хотел: страх телянка перед человеком пересилил страх перед водой. Звери, с трудом преодолевая течение, благополучно переплыли реку и умчались в ту же сторону вслед за тремя первыми антилопами.

Харка несколько минут смотрел им вслед, потом медленно повернулся и пошел назад. Теперь он не сможет похвастаться, что один подстрелил антилопу. Не сможет отдать ее шкуру на выделку, не удостоится похвалы стариков и восторженного удивления Молодых Собак. То, что он мог рассказать им о своих охотничьих приключениях, лучше утаить от них. Он, потерявший мать во время битвы с пауни, сохранил жизнь телянку, пощадив его мать. Он не уподобился Каменному Мальчику, употребившему свою силу во зло. Сыновьям Большой Медведицы и без того досталась богатая добыча. Мысль об этом маленьком происшествии, которое он сохранит в памяти, скрыв от других, приятно грела Харке душу.

Он с отрадой слушал ликующие крики охотников и смотрел на веселую суету женщин и детей. Женщины готовили волокуши, чтобы принять добычу. Девушки доставали шкуры и веревки из бизоньих кишок для упаковки мяса. Собаки тоже были охвачены радостным возбуждением; им были хорошо знакомы эти приготовления, и они знали, что скоро наконец смогут набить желудки отбросами.

Харка присоединился к отцу, который во главе небольшой группы воинов и юношей объезжал район охоты. Они останавливались у каждой застреленной антилопы и по окраске и оперению стрелы или стрел, торчавших из туши животного, определяли, кто ее подстрелил. Воины по-разному раскрашивали свои стрелы, так что установить стрелка было нетрудно. Антилопы, сраженные первым, общим залпом, еще даже не успев почувствовать опасность, лежали рядом. Тут у охотников была возможность спокойно прицелиться, поэтому все они с первого выстрела убили по антилопе. А во время преследования стада удача зависела от ловкости и быстроты ног охотника или лошади. Маттотаупе удалось насмерть сразить еще три антилопы, и это было лучшее охотничье достижение дня. Когда они приблизились к антилопе, в которую одновре-

менно целились Харка, Четан и еще несколько юношей, сын вождя от напряжения даже затаил дыхание и сначала не решался посмотреть на тушу животного. Но тут охотничье счастье улыбнулось ему. В туше торчали четыре стрелы: одна в бедре (это была не его стрела), другая в спине (тоже не его), третья и четвертая угодили в шею. Это были стрелы Харки и Четана!

Харка просиял. Четан тоже улыбнулся и вытащил обе стрелы. Наконечники охотничьих стрел были без зазубрин.

Четан протянул Харке его стрелу и сказал:

– Мой юный брат стрелял метко. Я отдаю ему шкуру и рога этой антилопы. Наши стрелы летели вместе, как братья. Теперь я – вождь Красных Перьев. Но как только я стану воином и буду принят в отряд Красных Оленей, Харка Ночное Око Твердый Камень, Убивший Волка, возглавит отряд Красных Перьев. Я все сказал. Хау!

Матготаупа, гордый за сына, выразил свое согласие с Четаном.

Закончив осмотр убитых животных, мужчины, юноши и мальчики постарше принялись снимать шкуры и разделять туши. Женщины упаковывали мясо в тюки. Кишки бросали собакам. Мозги, печень, легкие, сердце и желудки отправляли на берег, к колонне. Там уже горели костры – под навесами из бизоньих шкур, чтобы уменьшить распространение дыма и запаха. Харка почувал ни с чем не сравнимый для изголодавшихся людей аромат жареной печенки и вскоре в кругу своей семьи, на берегу реки, в первый раз за несколько месяцев досыта наслаждался вкусной пищей.

Все думали об одном и том же: их беды кончились, началось счастье, великое чудо свершилось. Хавандшита – мудрый шаман.

Вечером, сытые и веселые, все разошлись по вигвамам, чтобы уснуть крепким сном. «Черная Кожа! – подумал Харка, засыпая. – Может, все обойдется, и я еще увижу тебя когда-нибудь, живым и невредимым».

Следующие переходы были, по индейским меркам, не такими утомительными. С утра до вечера дакота проходили около пятидесяти километров. После того как прошли талые воды, река вновь стала спокойней и мельче, и Сыновья Большой Медведицы без труда переправились обратно на южный берег.

Они двигались на юго-запад, и в одно прекрасное утро перед ними открылась местность, которая и была целью их долгого путешествия, – луга и перелески у одной из многочисленных излучин Конского ручья. Лучше места для летнего лагеря было не придумать: русло ручья было зажато между пологими холмами, и, судя по всему, ручей здесь не пересыхал даже в жаркие месяцы. На просторной лесной поляне, которую огибал ручей, поворачивая на север, и которая была защищена от ветров и скрыта от посторонних глаз кустами и деревьями, хватало места для вигвамов. Все сразу оценили преимущества нового стойбища и с радостным гомоном принялись за дело: разгружать лошадей, устанавливать вигвамы, расстилать шкуры, устраивать очаги и расставлять горшки и миски. По указанию вождя был поставлен и вигвам Большого Совета. Туда воины принесли негасимый Священный огонь в выдолбленной колоде. Место, где должен был стоять вигвам шамана, осталось свободным. Перед вигвамом вождя вкопали в землю шест для трофеев, рядом привязали к колу его мустанга. Собачья свора уже обследовала кусты и перелески. Мустанги тотчас принялись за сочную траву.

Цепь Скалистых гор на западе резко выделялась на небе, обнятом пламенем величественного заката. Харка молча, с жадной миром, радости, беззаботных игр и охоты в груди взирал на этот обнадеживающий образ новой родины.

В ручье было два глубоких места – выше и ниже излучины. Женщины и девушки уже отправились за водой. Верхний плёс⁸ решили отвести для купания женщин, нижний – для купания мужчин. Харка поспешил туда с Молодыми Собаками, чтобы от души поплавать, поны-

⁸ Плёс – глубокий участок русла реки, расположенный между перекатами.

рять, поиграть и подурчиться. После купания, когда в небе уже загорелись первые звезды, мальчики, смеясь и отфыркиваясь, растерлись медвежьим жиром и разошлись по вигвамам, где уже дымилось жареное мясо. Ужинали они под тихие звуки флейт, на которых где-то в лагере играли юноши.

Так прошло три дня. Харке и его друзьям некогда было скучать. Они изучали окрестности, наведывались к дозорным и вместе с ними вглядывались в даль. Они забавлялись с луговыми собачками, этими маленькими хитрыми жирными грызунами, которые жили в подземных норах и, едва почуяв опасность, мгновенно исчезали.

Тревоги Харки переросли в надежду и уверенность. Те же чувства испытывали и другие. Вечерами в вигваме Харка вспоминал о матери, думал о том, что ей не суждено было пережить все эти радости вместе со всеми. Но мысли и чувства эти не были пропитаны горечью, как прежде, они стали мягче, перешли в светлую грусть; время целительным пластырем легло на все полученные раны. Шонка был далеко. Шешока была сама робость. Дети почти не замечали ее, получая при этом всю необходимую женскую заботу о них, к какой они привыкли.

Жизнь был прекрасна, а чудо, обратившее все их беды в радости, и в самом деле можно будет назвать великим, если наконец придут бизоны. Антилопы и мелкое зверье помогут им продержаться какое-то время, но не зиму. Весна, лето и осень должны принести большую добычу, которой хватило бы надолго.

Ведь все складывалось так удачно, они были сыты, пауни остались где-то далеко – почему бы и бизонам не вернуться наконец на родные пастбища?

Никто и в самом деле не удивился, когда на восьмой день жизни у Конского ручья в стойбище примчались возбужденные разведчики, посланные на юг, и сообщили о приближении стада бизонов. Из вигвамов и от ручья им навстречу уже спешили воины и юноши. Все мужчины рода старше четырнадцати лет должны были отправиться на охоту, значит и Четан. Даже его отец, Солнечный Дождь, плечо которого еще не совсем зажило и которого все отговаривали от участия в охоте, не слушая советов, молча сел на мустанга и привел в порядок стрелы в колчане.

Охотники выбрали в табуне самых быстрых мустангов, которых обычно использовали для охоты на бизонов. Чтобы одежда не стесняла движений, воины отправлялись на бизонью охоту полуголыми. Колчаны были набиты стрелами, лук и первую стрелу каждый уже держал наготове. Лошади в нетерпении рвались с привязи. Наконец охотники во главе с Маттотаупой вытянулись в длинную цепь и галопом понеслись на юг.

Харка с волнением следил за приготовлениями. Теперь он лежал на холме, с завистью глядя охотникам вслед. Вместе с ним провожали своих отцов и братьев Молодые Собаки в полном составе. Целый час они пролежали на холме, напряженно вглядываясь в даль. Наконец до них донесся глухой гул. Мальчики слушали, приложив ухо к земле, дрожа от нетерпения. Глаза их блестели. Сколько же бизонов должно было быть в этом стаде? Сотни! Сотни! Гул быстро нарастал. И вот они увидели вдали облако пыли, а затем несущееся прямо на них стадо. Им даже показалось, что они уже слышат дикие, пронзительные крики охотников, чем-то напоминающие рев быков. Харка вспомнил о своем долге вожака Молодых Собак.

– Бежим! – крикнул он. – Бежим отсюда! Они идут прямо на нас! Они растопчут нас! Они растопчут вигвамы! К лошадям! К лошадям!

Все бросились вниз, к роще, где стоял табун. Женщины, дети и старики уже торопливо разбирали вигвамы. Обычно этим занимались женщины, но сейчас им помогали все, кто только мог шевелить руками и ногами. Плотнища из шкур, жерди, трофеи, посуду, малышей, которые еще не умели ходить, на руках, на спине или на тягловых лошадях переправляли на другой берег.

– Гоните мустангов на тот берег! – крикнула Унчида Молодым Собакам.

Те послушно выполнили ее указание. Не тратя времени на развязывание ремней, которыми были стреножены мустанги, они принялись перерезать их ножами. Харка вскочил не на своего Пегого, а на второго мустанга отца, одного из лучших скакунов. Каждый мальчик взял поводья сразу трех или четырех мустангов, и табун понесся через ручей, поднимая тучи брызг. Ветер развеивал лошадиные гривы. Все быстрее приближалось огромное облако пыли, все громче становился гул копыт. Женщины и старики в отчаянной спешке тащили пожитки и малышей прочь, чтобы не погибнуть под копытами бизонов. Молодые Собаки замыкали колонну. Последним скакал Харка Ночное Око Твердый Камень, Убивший Волка. Он лихорадочно соображал, что делать, если бизоны и в самом деле будут угрожать жизни людей. Он решил, что в этом случае Молодые Собаки громкими криками должны будут попытаться испугать гонимое охотниками стадо и направить его в другую сторону. Удастся ли это, он не знал.

На всякий случай он передал всем свое решение, и Молодые Собаки приготовились к самым отчаянным действиям.

Бизоны были уже совсем близко. Но Харка и его товарищи видели пока только облака пыли и отдельные темные силуэты. Послышались крики охотников. Отважные преследователи, судя по всему, вклинились прямо в стадо! Для полудикого мустанга Маттотаупы, которого выбрал Харка, бешеные скачки во время бизоньей охоты были делом привычным, но сейчас, не чувствуя узды – так как Харка держал поводья еще четырех лошадей, по две справа и слева, – конь стал почти неуправляемым. Он брыкался, вставал на дыбы, пытаясь сбросить всадника. Харка был хорошим наездником, он крепко держался коленями за бока мустанга, но сил его не хватало, чтобы справиться с животным. И вот, когда стадо бизонов влетело в рощу и молодые деревца затрещали, как щепки, когда у него перед глазами замелькали черно-бурые косматые спины, а затем прямо перед ним вдруг словно выросла из-под земли огромная рогатая бизонья голова, он поневоле отпустил поводья четырех лошадей, закричал что было мочи и отдался на волю бывалого отцовского мустанга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.